

ИХ ПРАВЛЕНИЮ
ПРИШЕЛ
КОНЕЦ

18+

Эшли Джейд

СОКРУШЕННАЯ
ИМПЕРИЯ

Бумажная принцесса

Эшли Джейд

Сокрушенная империя

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джейд Э.

Сокрушенная империя / Э. Джейд — «Издательство АСТ»,
2020 — (Бумажная принцесса)

ISBN 978-5-17-149926-6

Они говорят, что теперь ты счастлива. Что ты ничего не можешь вспомнить из своего прошлого, и это к лучшему. Они сказали, что если я и правда дорожу тобой, то должен держаться подальше и оставить тебя в покое навсегда. Ведь ты выходишь замуж за мужчину, которого любишь. Единственная проблема в том, что... сначала ты полюбила меня.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-149926-6

© Джейд Э., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая	14
Глава вторая	18
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	44
Глава восьмая	51
Глава девятая	52
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	57
Глава двенадцатая	62
Глава тринадцатая	65
Глава четырнадцатая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Эшли Джейд

Сокрушенная империя

Ashley Jade
BROKEN KINGDOM

Печатается с разрешения
Victoria Ashley Shukri и SBR Media
The moral rights of the author have been asserted

Дизайн обложки Яна Половцева

© Елфимова Анастасия, перевод на русский язык, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о Ромео и Джульетте
– Уильям Шекспир, Генрих V.*

Посвящается Мэри

*Я скучаю по тебе.
Я люблю тебя.
Мне повезло встретиться с тобой.
Спасибо, что верила в меня, когда никто (даже я сама) не верил.
Покойся с миром, родная.*

Пролог Оукли

Бьянка.

Она – первое, о чем я думаю, когда открываю глаза.

Но, к сожалению, не первый человек, которого я вижу.

Этот человек – мой отец.

И два полицейских.

Черт.

Окинув быстрым взглядом пространство вокруг, я понимаю, что нахожусь в больнице.

Вот дерьмо.

– Что... – Я пытаюсь пошевелиться, но у меня ничего не получается.

Затем я опускаю глаза и понимаю почему. Я пристегнут наручниками к сраной кровати.

И не так, как мне обычно нравится.

– Что случилось?

Отец, которого я никогда в жизни ни видел настолько испуганным, делает шаг вперед.

– Ты попал в аварию.

Похоже на правду, потому что мое последнее воспоминание – это то, как я веду машину.

И мы ругаемся.

Ее слезы.

Но ярче всего? То, что она сказала прямо перед тем, как мир вокруг потемнел.

– У тебя случился приступ за рулем, – продолжает отец, но его слова пролетают мимо моих ушей.

Сейчас меня волнует кое-что поважнее.

– Где Бьянка? – Я сажусь на кровати. – Она в порядке?

Учитывая то, что машины возглавляют список ее фобий, она, должно быть, там с ума сходит.

Мне нужно ее увидеть.

– Она... хм. – Он мрачнеет. – Она все еще в операционной.

Мой мозг, кажется, временно отключается, потому что я не понимаю, о чем говорит отец.

– Операционная? – Штука в моей груди – тот чертов орган, который она вернула к жизни, – начинает неистово биться. – Она же будет в порядке, да?

Она обязана.

Эта девчонка – синоним слова «боец».

Нахмурившись, он отодвигает стул, стоящий рядом с койкой, и садится на него.

– Мы... вернее, Ковингтоны... пока ничего не знают.

Мне нужно увидеть Джейса и Коула.

Твою мать.

Они чертовски разозлятся, когда узнают, что у меня случился приступ, пока их сестра была со мной в машине. И еще сильнее взбесятся, если до них дойдет, что я все лето с ней спал.

Хотя кого я обманываю? *Бьянка – это не просто девушка для секса.*

В любом случае они не обрадуются таким новостям. Однако их гнев – последнее, что меня сейчас волнует. Мне нужен врач – *да хоть кто-нибудь*, – с кем я могу поговорить о ее состоянии.

– Тут где-нибудь есть доктор или медсестра? Я должен узнать, как...

– Оукли, – обрывает меня отец. – Мы не можем сейчас беспокоиться о них.

Мне не нравится его отстраненность по отношению к ним. Мой отец уже несколько лет является личным юристом и другом мистера Ковингтона. Он даже дома шутил, мол, дерьмо Ковингтонов – его дерьмо. Учитывая то, что Джейс и Коул – мои лучшие друзья, черт, мои *братья*, я думаю точно так же. Очевидно, стена, которую он строит сейчас между нашими семьями, мне не нравится.

– Что значит, мы не можем беспокоиться...

– Оук, – отец указывает на полицейских, – сейчас у нашей семьи свои проблемы.

Мне хочется засмеяться из-за того, что он использовал слово «семья». Оно к нам не применимо с тех пор, как я разозлился на отца, переспал со своей мачехой и влюбился в нее... Только чтобы узнать, что она использовала меня, чтобы забеременеть.

И она забеременела.

А потом потеряла ребенка.

Моего.

И вскоре после выкидыша она снова беременна... моей сводной сестрой. Так это и должно было случиться. Но это уже моя беда, я вечно все порчу. Самое главное? То, что происходит сейчас.

Я перевожу взгляд на полицейских.

– Что они...

Твою же, на хрен, мать.

Если случилась авария... на место прибыли копы. А значит, они нашли в моем багажнике героина и кокаина на десять тысяч долларов. Теперь я понимаю, почему отец напуган.

Черт, я тоже напуган.

Я смотрю на отца, боясь заговорить, потому что не хочу добавить себе проблем. Что смешно, ведь я и так в заднице.

В такой глубокой заднице.

Словно прочитав мои мысли, он поворачивается к полицейским.

– Вы можете оставить нас с сыном вдвоем на минуту?

Они смотрят на него как на психа.

– Это против правил, – четко говорит один из полицейских.

– Да к черту ваши правила, – выплевывает отец, но я слышу, как страх просачивается сквозь его напускную уверенность.

В груди все переворачивается.

Отец вообще мог бы не приходить сюда, учитывая все, что я сделал. Но тем не менее... он здесь. Борется за свое жалкое отпрыска.

Как настоящий родитель, которым никогда не была моя мать.

Взяв себя в руки, отец встает.

– В этой комнате нет окон. – Он переводит взгляд на мои наручники. – И он пристегнут к кровати. – Затем смотрит им в глаза. – Он никуда не денется. Даю слово.

Я жду, что копы начнут спорить, но, должно быть, мой отец куда более уважаемый человек, чем я думал, потому что они соглашаются.

– Пять минут, – произносит один из них, когда они начинают двигаться в сторону двери. Схватившись за редкие пряди волос на своей лысеющей голове, отец бледнеет.

– Ты в дерьме, Оук.

Да уж, я в курсе.

– Знаю. – Я морщусь. Это плохо. *Чертовски плохо.* – Насколько глубоко?

Отец начинает загибать пальцы.

– Что ж, начнем с того, что они изъяли больше фунта героина и кокаина из твоего багажника. – Он зло смотрит на меня. – Дальше, в твоей крови обнаружили 0,8 промилле алкоголя, что больше...

– Допустимой нормы, – заканчиваю я за него.

Потому что, когда я лажаяю... то делаю это по полной.

Если честно, удивлен, что список такой короткий.

– Еще они нашли в твоём организме следы марихуаны и кокаина.

Тут без сюрпризов.

– Я пытался протрезве...

– Что ж, это, на хрен, не сработало, – кричит он, и в его глазах плещется ярость.

– Прости меня.

Но извиняюсь я не за то, что употреблял наркотики. Я знаю, что он наконец узнал правду.

На его лице столько боли, столько разочарования, что мне тяжело на него смотреть.

Папа отводит глаза, словно тоже не может взглянуть на меня.

– По крайней мере, я знаю, почему ты так внезапно съехал.

Да, потому что я больше был не в состоянии смотреть на себя в зеркало. А значит, я точно не мог видаться с ним.

– Пап...

– Я не хочу об этом говорить, – выплевывает он, сжимая спинку стула с такой силой, что костяшки пальцев белеют. – Я должен сказать тебе кое-что. – Злость на его лице сменяется отчаянием. – Кое-что очень серьезное.

Учитывая внушительный список дерьма, которое я сегодня сотворил, – и тот факт, что моя любимая девушка находится в операционной, – я практически уверен, что он уже не скажет мне ничего *серьезнее*.

– Что?

Приблизившись, он сжимает мое плечо.

– Во время приступа ты вылетел на встречную полосу и врезался в другую машину.

Очевидно, я ошибался... есть кое-что посерьезнее.

Намного серьезнее.

У меня не лучшие отношения с Богом, но я все равно начинаю молиться про себя. Прося, чтобы операция Бьянки прошла успешно... и чтобы с человеком во второй машине все было хорошо.

Крепче сжав мое плечо, отец опускает глаза в пол.

– За рулем была Хейли.

Я теряюсь.

– Хейли... моя бывшая девушка Хейли?

Он кивает.

– Да.

Я потираю грудь, внутри которой все сжимается в огромный комок. Отвратительный список моих ошибок становится длиннее с каждой минутой.

– Надеюсь, с ней все в порядке.

– Оук, – мягко говорит он, словно ему тяжело продолжать. – Она не выжила.

Я чувствую спазм в желудке, комната начинает кружиться.

Конечно, я придурок, самый большой, которого знаю, но я не...

Твою мать.

Это не может быть правдой.

– Она умерла? – Когда звук моего собственного крика отскакивает от стен, наполняя комнату, у меня начинает звенеть в ушах. – Я убил ее?

Я пристально смотрю на отца, прося, *умоляя* взять эти слова обратно. Но он не может.

Потому что я убил ее.

Все вокруг становится размытым, я делаю вдох, пытаюсь себя успокоить. Не получается. От этого никуда не денешься. То, что я сделал, уже не получится исправить. Вина – та, которой не сможешь сожалением, – наполняет мою грудь.

– Прости, – шепчет папа, обнимая меня.

Я не понимаю, почему он извиняется. Я во всем виноват.

– Я уби...

Свет над моей головой начинает моргать и слишком уж знакомый шум наполняет уши.

* * *

– У него эпилепсия! – кричит отец, когда комнату наполняет звук шагов. – Снимите с него эти чертовы наручники.

Я моргаю, глядя в потолок, на меня накатывает волна усталости.

Есть столько вещей, которые я хотел бы сказать, – и еще больше, за которые хотел бы извиниться, – но я не могу. Ведь никакое раскаяние здесь не поможет. Я просто хочу закрыть глаза... и проспать вечность. Возможно, когда я проснусь, окажется, что это был всего лишь сон.

Или *прекрасный кошмар*.

Черт. Я так сильно хочу ее увидеть. Сказать ей слова, которые не успел произнести до того, как стало слишком поздно. Когда я все испоганил. Сказать, что между нами все было по-настоящему.

– По протоколу нельзя, – отрезает какой-то мужчина.

– На хрен ваш протокол. – Папа гладит меня по голове так же, как в детстве. – Все хорошо. У тебя просто снова случился приступ.

Забавно, ведь, несмотря на небольшой рост, в суде отец превращается в настоящую акулу, в монстра, который способен буквально разрушить любую жизнь простым заключительным словом, но глубоко внутри у него огромное сердце.

Раньше я думал, что и у меня такое же. Но теперь я знаю, что это не так... потому что люди с огромными сердцами никого не убивают.

– Он в порядке? – слышу я знакомый голос.

Дилан.

Борясь с усталостью, я отрываю взгляд от потолка. Глаза моей двоюродной сестры красные и опухшие, словно она плакала.

Возможно, из-за дерьма, которое я натворил.

Я открываю рот, но отец меня перебивает.

– Прости, Дилан, но тебе пока к нему нельзя.

Дилан переминается с ноги на ногу.

– Я просто хотела убедиться, что с ним все в порядке.

– Я понимаю, – говорит отец. – Но сюда можно только ближайшим родственникам.

По лицу Дилан видно, как ее ранят эти слова, и я ни капли ее не виню. Отец ведет себя с ней как настоящий урод.

– Какого черта, пап? – хриплю я. – Дилан – наша семья. – Я смотрю на медсестру, которая ставит мне капельницу, надеясь на поддержку, учитывая то, что я здесь пациент. – Я хочу, чтобы моя сестра осталась. – Повернув голову, я снова перевожу свое внимание на нее. – Как там Бьянка?

Я замечаю огонек беспокойства в ее глазах.

– Операция только что закончилась...

– Выведите ее, – встревает отец. – Сейчас же.

– Нет, – рычу я, но меня никто не слушает. – Дилан! – выкрикиваю я, пока полицейские выставляют ее за дверь. Когда наши взгляды встречаются, мне удается проговорить: – Скажи ей, что между нами все было по-настоящему. – Я сглатываю. – Скажи, что я люб...

Дилан пропадает из поля зрения, прежде чем я успеваю закончить предложение.

Я направляю свой гнев на отца.

– Почему ты не разрешил ей остаться?

Он хмурится.

– Потому что она слишком предана Джейсу и Ковингтонам, и я не могу позволить ей шпионить за нами, чтобы получить больше информации для возможного дела. – За этим следует шумный выдох. – Я уже готовлюсь к тому, что на нас подаст в суд семья Хейли, и если Бьянка не выживет...

Боль вспыхивает в моей груди, взрываясь, словно фейерверк.

– В смысле, если Бьянка не...

Я снова вижу мерцающие огни, и шум начинает эхом отражаться у меня в ушах.

* * *

– Вы можете дать ему лекарство по сильнее? – рычит отец на медсестру. – Это его четвертый приступ за семь часов.

Медсестра в этом не виновата.

Эмоциональные потрясения как спусковой крючок для моих приступов, и прямо сейчас в мире не хватит лекарств, чтобы заглушить боль у меня в груди.

– Уже, – отвечает медсестра, возясь с капельницей. – Как ты себя чувствуешь, Оукли? – Она сочувствующе мне улыбается. Я этого не заслуживаю. – Держись?

С трудом.

– Спасибо.

Нужно быть очень хорошим человеком, чтобы с добротой относиться к сраному убийце.

Я настолько потерян, что едва слышу свой собственный голос, но, думаю, она меня поняла, поскольку одаривает еще одной улыбкой, прежде чем направиться к двери.

– Через час у меня встреча с твоим адвокатом, – сообщает отец, когда она уходит.

Это... странно.

– Разве не ты мой адвокат?

Он качает головой.

– Нет. Это будет конфликт интересов, а я не хочу, чтобы у них было еще что-то, что можно использовать против нас. – Отец порывисто выдыхает. – Я собираюсь сделать все возможное, поцеловать каждую задницу, которую придется, чтобы мы смогли выйти на сделку.

У меня в груди все сжимается.

Я не заслуживаю никакой сделки.

– Пап...

– Но, – перебивает он, и тон снова становится серьезным, – мне нужна от тебя полезная информация.

– Какая?

Его глаза находят двух полицейских в противоположном углу палаты.

– Можно нам минуту наедине? – Увидев, что они готовы начать спорить, отец добавляет: – Обещаю, если вы дадите мне две минуты, я вытащу из него правду.

Какую правду? Он и так уже все знает.

– Две минуты, – соглашается один из них, а затем они уходят.

– Что...

– Чьи наркотики ты продавал?

Нет уж, я не стукач.

– Свои.

Отцу такой ответ не нравится.

– Чушь. Мой друг в участке сказал, что на всех пакетиках, которые нашли в твоей машине, была особая отметка. Штамп, который ставит один наркобарон. Они уже несколько лет пытаются на него выйти.

Мне хочется засмеяться, ведь Локи никакой не наркобарон – по крайней мере, пока, – но я включаю мозги и сдерживаю себя.

В глазах отца вспыхивает разочарование.

– Знаешь, я надеялся, что ты хоть раз скажешь мне правду.

Учитывая недавнее открытие отца, – что я трахал его жену, – это недоверие вполне оправданно. Но я не успеваю задуматься об этом, потому что он хватается мой палец. Я пытаюсь отдернуть руку, но на мне все еще надеты наручники.

– Какого хрена...

Он прикладывает мой палец к кнопке на разбитом экране телефона.

– Твою мать, пап, *хватит*, – выплевываю я, пока он копается в моем мобильном в поисках информации.

Локи пока, может, и не наркобарон, но он без колебаний пришлет кого-нибудь пристрелить мою задницу за то, что я сдал его копам. Но... тут все честно.

Око за око.

Папа радостно поднимает мой телефон.

– Узнал все, что нужно. Спасибо за сотрудничество. – Он уверенно идет к двери. – Можешь злиться сколько угодно, Оук, но я сделаю все, чтобы ты не сгнил в тюремной камере.

Сгнить в тюремной камере – это как раз то, чего я заслуживаю.

* * *

В животе все переворачивается, когда я направляюсь к залу суда. Словно почувствовав мой страх, отец говорит:

– Не волнуйся. Мы заключили чертовски хорошую сделку, сдав Локи.

Забавно... потому что я не помню, чтобы сдавал кого-то или заключал какую-то сделку.

– Причинение смерти по неосторожности в состоянии алкогольного опьянения, – шепчу я, повторяя то, что он сказал мне утром. Отец подключил связи и сделал так, чтобы мое заседание прошло сегодня.

– Именно. Было сложно, но... – отец указывает на моего адвоката, – мы уговорили их признать это мелким правонарушением.

Адвокат хлопает меня по спине.

– Тебя ждет домашний арест на полгода... максимум.

Как и любого другого богатенького белого ребенка со связями.

Отец усмехается.

– Ты переживешь. Время пролетит незаметно.

Господи Иисусе.

Неудивительно, что родители Хейли просто убиты горем. Мало того, что я убил их дочь, – а еще отправил свою любимую девушку в кому, после которой она потеряла память, – я еще и выйду сухим из воды.

В горле застревают ком, когда мы заходим в зал суда.

Это несправедливо.

– Всем встать перед уважаемой судьей Дженнет.

Все тело напрягается, на меня накатывает тошнота, когда адвокат начинает свою речь.

Ей исполнилось двадцать один в мае. Я этого никогда не пойму, но она любила слушать Джастина Бибера на полной громкости и каждое утро выпивала на завтрак Ред Булл без сахара. Она обожала картошку фри, но редко ее ела, ведь от нее толстеет задница... что чушь на самом деле.

Воротник рубашки впивается в шею.

Она сказала, что любит меня во время ужина в Суши-Суши, когда мы праздновали полгода отношений.

А я ничего не ответил... поскольку не чувствовал того же. Но я хотел, чтобы она нашла кого-то, кто почувствует. Теперь этого не случится.

Ведь она мертва.

Пока я стою здесь, в суде... и две минуты отделяют меня от свободы.

Подняв голову, я вижу родителей Хейли. Они забились в дальний угол на противоположной стороне зала, держась друг за друга так, словно они единственное, что у них осталось.

Потому что так и есть.

Ее отец изо всех сил старается не заплакать, а мать тихо всхлипывает, прижав к губам салфетку.

Хейли никогда не закончит колледж и не станет ветеринаром, как мечтала.

Ее мама никогда не будет планировать свадьбу вместе с дочерью.

А папа никогда не поведет ее к алтарю.

Потому что я отобрал жизнь, которую они создали. И совсем скоро я пройду мимо родителей Хейли, чтобы продолжить прожить свою... А их дочь навсегда останется в земле.

Как, черт возьми, они смогут это принять?

Никак.

– Приговариваю вас к шести месяцам домашнего ареста...

– Нет. – Мой голос отражается от стен, словно волна от разорвавшейся бомбы. – Я не хочу домашний арест.

Я прожил двадцать один год, создавая проблемы, которые либо кто-то решал за меня, либо я просто сбегал от них.

Но не в этот раз.

– Что ты делаешь? – бормочет отец, но я его игнорирую.

Судья моргает, очевидно, застигнутая врасплох моим выпадом.

– Молодой человек, насколько я знаю, вы признали вину и пошли на сделку со следствием...

– К черту сделку.

Несколько человек ахают. Родители Хейли поднимают головы.

– Юноша, – сурово говорит судья. – Еще одно слово, и я обвиню вас в неуважении к суду.

– Сделай что-нибудь, – шипит отец на адвоката.

Этого недостаточно.

– Простите, Ваша честь, – влезает мой адвокат. – У моего клиента тяжелый период...

Да господи ты боже мой.

– Никакой у меня не тяжелый период, – перебиваю я. – Он у родителей Хейли. И Ковингтонов.

Из-за меня.

На лице судьи Дженнет явно читается непонимание.

– Молодой человек, я предлагаю вам...

– Причинение смерти по неосторожности в состоянии алкогольного опьянения... за это меня судят?

Судья кивает.

– Именно.

– Вы можете вместо этого судить меня за убийство?

Потому что я убил ее.

– Оукли, – выплевывает отец. – Замолчи. *Сейчас же.*

У судьбы буквально отвисает челюсть.

– Значит ли это, что вы умышленно убили...

– Нет. Но...

– Простите, Ваша честь, мой клиент находится в состоянии стресса. – Адвокат прочищает горло. – Он не может разумно мыслить.

Судья поправляет очки.

– В таком случае вам стоит его успокоить, иначе я действительно обвиню его в неуважении к суду.

Быстро подумав, я вспоминаю все, что мне говорил адвокат о моей статье.

– Если меня нельзя судить за убийство... вы можете дать мне год?

Судья вздыхает.

– Молодой человек...

– Послушайте, вы же судья, правильно? Значит, вы можете отменить сделку и вынести мне другой приговор в соответствии со статьей. – Хоть я и не юрист, но я его сын, а значит, кое-что знаю. – Насколько мне известно, по этой статье, в соответствии с законами штата Калифорния, меня можно приговорить к одному году колонии. – Все внутри сжимается, когда я смотрю ей в глаза. – И я прошу вас это сделать.

Это немного, я все еще выхожу сухим из воды, но, боже... это хоть *что-то*.

– Оукли, – шипит отец, краснея от гнева. – Какого черта ты делаешь?

Судья стучит молотком.

– Тишина в суде.

Отец однажды сказал, что мужчина может заплакать только в трех случаях: когда любовь всей твоей жизни стоит рядом с тобой у алтаря, когда твой ребенок делает первый вдох и когда ты хоронишь своих родителей.

Но он не упомянул кое-что еще...

Когда ты отбираешь чужую жизнь.

И чувствуешь себя настолько чудовищно, что во всем мире не хватит наркотиков и алкоголя, чтобы заглушить эту боль.

– Пожалуйста, – умоляю я, внутренности сжимаются от стыда. – Приговорите меня к этому году. Черт, приговорите меня к *сотне* лет.

Судья снова стучит молотком.

– Молодой человек, я неоднократно просила вас успокоиться. Это мой суд, не ваш. – Она впивается в меня взглядом. – Я приговариваю вас к трехстам шестидесяти пяти дням в исправительной колонии Блэкфорд. – Она поворачивается к мужчине в полицейской форме. – Уведите его.

Я смотрю в глаза родителям Хейли, пока на меня надевают наручники.

– Простите меня.

Мне так чертовски жаль.

Глава первая Бьянка

Прошлое...

– Мама выходила из комнаты?

Джейс тяжело вздыхает.

– Нет. Она... – он колеблется, – она все еще болеет.

Мы оба знаем, что это ложь. Мама не болеет. По крайней мере, не физически. Ее болезнь отбирает у нее счастье, у ее мужа – жену, у детей – мать. Это настоящее зло. Ее болезнь – это что-то, чего я не понимаю, иначе помогла бы ей.

Единственное, что мне ясно, – я должна любить ее.

Скинув рюкзак на пол, я бегу вверх по лестнице.

– Бьянка, – выкрикивает Джейс, но я отмахиваюсь от него.

Она уже четыре дня лежит в спальне.

Хватит.

Я стучу в дверь и захожу внутрь, не дожидаясь ответа. Она, как обычно, свернулась калачиком под покрывалом. Но не спит... а сидит в телефоне. Наверняка ждет, чтобы отец, который все еще в командировке, позвонил ей. Она всегда расцветала, когда он звонил. Словно его голос мог излечить ее боль.

Сняв туфли, я ложусь рядом с ней.

Между нами образовалась нерушимая связь, и, когда ей больно, я это тоже чувствую.

– Я скучаю, – шепчу я, обвивая ее руками.

Немного приподняв голову, она улыбается.

– Не знала, что ты уже вернулась из школы.

Неудивительно. Когда ее настигает эта *болезнь*, она совершенно теряется во времени.

Я провожу пальцем по изгибу ее носа.

Мама – самая красивая женщина, которую я когда-либо видела.

И самая грустная.

– Бьянка, – смеется она, отбрасывая мою руку. – Щекотно.

Неправда. Просто она не любит, когда я обращаю внимание на горбинку на ее носу. Но этот недостаток – то, что я больше всего люблю в ней. *Так она становится настоящей.*

– Принести тебе поесть?

– Нет, милая, спасибо.

Сердце сжимается.

– Оу.

Она практически не ест, когда болеет.

Я провожу пальцами по изгибу бровей и целую горбинку на носу, пытаюсь скрыть свое недовольство.

Иначе ей станет только хуже.

Перекатившись, я встаю с кровати.

– Поспи немного.

Я собираюсь уходить, но она хватается меня за талию, притягивая к себе.

– Как прошел твой день?

– Нормально, – вру я.

– Ну же, – просит она. – Скажи мне правду.

Каким-то образом эта женщина всегда знает, когда я что-то недоговариваю.

– На перемене Джулиана сказала, что я слишком уродливая, чтобы быть балериной, и все засмеялись.

Джулиана популярная... и противная.

И, к моему невезению, я оказалась ее целью.

Мама уверяет меня, что этот *несуразный возраст* – ужасный, сопровождающийся кривыми зубами и копной пушистых волос – пройдет, но я в этом не уверена.

Она обхватывает мое лицо ладонями.

– Не слушай ее. Ты прекрасна.

– Я не чувствую себя прекрасной.

Между ее бровей образуется морщинка.

– Я же тебе говорила. То, через что ты проходишь, не будет длиться вечно. Я тоже была в таком возрасте. Но потом...

– Но потом ты стала красавицей, все тебя полюбили, и ты стала известной актрисой. – Я раздраженно смотрю на ковер. – Что, если со мной этого не случится? Что, если я навсегда останусь уродиной и...

– Милая, ты не уродина. Просто Джулиана немного... – Она обрывает себя на середине предложения. – К сожалению, в мире полно таких Джулиан. Но лучший способ справиться с подобными людьми – это показать им, что тебя не заботят их слова.

Глаза начинает щипать от слез. Эта девчонка портит мне жизнь.

– Я уже пыталась, мама.

Пыталась, и у меня ничего не получилось.

И с каждым днем притворяться, будто мне не больно, становится все сложнее.

Она обессиленно потирает виски.

– Ладно, хорошо. Хочешь секрет?

Я киваю. Я готова к любому совету.

– Джулиана будет продолжать к тебе придирааться, ведь она задира, которой нравится приставать к тем, кто выглядит слабым.

Ауч.

– Я не слабая. Как мне это прекратить?

Вздыхнув, мама закрывает глаза.

– Я точно получу премию «Худшая мать года» за это.

– Ну же, мам, – прошу я. – Скажи мне.

Еще один тяжелый вздох.

– Если хочешь, чтобы задира от тебя отстала, тебе нужно использовать ее же оружие против нее. Если она над тобой смеется, ты смейся над ней в ответ, рассказав всем о ее комплексах.

– О каких?

– У всех есть свои комплексы, малышка. Чтобы узнать какие, нужно просто понаблюдать за человеком.

Поразмыслив над этим, я понимаю, что, возможно, в этом что-то есть.

– Ей нравится, когда все говорят, какая она красивая и как хорошо она танцует... хоть это и не так. – Поджав губы, я складываю руки на груди. – Я танцую *намного* лучше, чем она.

Может, не балет, конечно, но у меня в мизинце больше чувства ритма, чем во всем ее теле.

Взяв расческу с прикроватной тумбочки, мама жестом подзывает меня к себе, чтобы расчесать мои волосы.

– Тогда нам придется записать тебя на балет, купить самый красивый костюм и заставить эту негодяйку заплатить за свои слова.

Надежда начинает теплиться у меня в груди.

– Правда?

Она разделяет мои волосы на три части и начинает плести мне косу.

– Я могу записать тебя на занятия, пока ты завтра будешь в школе, а за пуантами и трико съездим в субботу.

– Обещаешь? – недоверчиво спрашиваю я, отдавая ей резинку с запястья.

Иногда мама говорит, что сделает что-то, но в итоге остается в постели из-за своей болезни. Но она никогда не нарушала обещаний.

Для нее они значат слишком много.

Мама целует меня в щеку.

– Обещаю.

Я широко улыбаюсь.

– Ты лучшая мама на свете.

Она завязывает резинку на конце моей косы.

– Потому что ты лучшая на свете дочь.

Нахмурив свое красивое лицо, она проверяет телефон.

– Все еще ждешь, когда папа позвонит?

И снова к ней возвращается грусть.

– Да.

– Ты и правда по нему очень скучаешь.

История любви моих родителей напоминает сказку. Мама была известной актрисой в Болливуде, когда папа приехал туда по делам со своим отцом. Однажды они сидели в ресторане, и он обратил внимание на столик напротив. Это была любовь с первого взгляда... взаимная. Несколько дней спустя мама бросила своего парня, согласилась выйти за моего отца и отказалась от своей карьеры, чтобы переехать в Америку и сыграть свадьбу.

К сожалению, такой поспешный брак подпортил отношения между ней и ее семьей. Она не видела их со свадьбы, и папа почему-то запрещает ей к ним съездить.

Мама хмурится еще сильнее.

– Обещай, что никогда не влюбишься.

У моих родителей есть свои проблемы, и иногда мама говорит вещи, которые я совсем не понимаю. Например, *«все мужчины токсичные, и ты должна уничтожить их, пока они не уничтожили тебя»*, но я знаю, что глубоко внутри она любит папу.

Однако теперь она просит меня пообещать, что я никогда не влюблюсь.

– Почему?

Обычно я соглашаюсь с ней и обещаю все, что она попросит, но в этот раз мне становится любопытно.

В каждой сказке любовь выглядит как лучшее чувство на земле. Я не понимаю, почему мама не хочет, чтобы я испытала его.

Прижав колени к груди, она шепчет:

– Не хочу, чтобы ты сделала ту же ошибку, что и я.

– Какую ошибку? – В животе все сжимается, когда я понимаю. – Я – ошибка? Джейс, Коул, Лиам...

– Нет, – быстро уверяет она меня. – Ты и твои братья – лучшее, что есть в моей жизни.

Это успокаивает... немного.

– Тогда почему влюбляться – это плохо?

– Это не плохо. Плох человек, в которого ты влюбляешься.

– Я не понимаю.

– Это только пока, но однажды ты поймешь. – Мама обхватывает мое лицо ладонями. – Любовь дает человеку власть над тобой... и, если она окажется у неправильного мужчины... он разобьет твое сердце и уничтожит тебя.

Хм. Звучит так себе.

– Папа сделал это с тобой?

Его часто не было дома из-за работы, но, когда он возвращался, то всегда стоял в дверях с букетом роз. И всегда смотрел на нее так, словно она – целый мир для него.

Где-то в груди зарождается страх. Я не хочу, чтобы мои родители развелись. Родители Меган Франк развелись в прошлом году, и она говорит, что это просто ужасно.

– Папа тебя любит...

– Я знаю.

– Тогда...

Меня прерывает звонок мобильного.

Мама внезапно расцветает.

– Я должна ответить. – Кажется, она заметила беспокойство на моем лице, поскольку добавляет: – Все хорошо, малышка. *Обещаю.*

Когда она берет трубку, груз с моей души куда-то исчезает.

– Привет, любовь моя.

Я встаю с кровати и иду к двери, чтобы дать им с папой возможность побыть наедине.

Глава вторая

Бьянка

«Обещай, что никогда не влюбишься».

Мамины слова навязчиво всплывают в памяти, когда я смотрю на свое обручальное кольцо.

Ко мне не приходили новые воспоминания последние восемь месяцев. Странно, что это случилось в день, когда я должна впервые пойти на примерку свадебных платьев. Словно дурное знамение.

Нет.

Я отбрасываю эту мысль, пока она не пустила корни у меня в голове.

Я люблю Стоуна, а он любит меня.

Мы идеально подходим друг другу.

Все так считают... даже мои братья. А это говорит о многом, потому что раньше они его презирали.

Сделав глубокий вдох, я встаю с кровати и иду к крошечному столику в дальнем углу комнаты. Мне повезло, и я смогла урвать себе одну из немногих личных комнат в общежитии Дьюка. Конечно, мне придется покинуть ее в следующем году, когда я выйду замуж и перееду к Стоуну... и его маме.

Я делаю еще один вдох и хватаю рюкзак.

Сегодня первый день второго семестра в колледже, и я не хочу опаздывать.

Уже на пути к двери мой взгляд цепляется за сверкающее обручальное кольцо. Простое золото и такой же простой, небольшой бриллиант. Стоун сказал, что, когда он выпустится из колледжа, мы сможем купить бриллиант побольше, но я попросила его не беспокоиться об этом.

Я люблю свое кольцо.

Я люблю *его* даже больше.

Трясущимися руками я подношу телефон к уху.

– «Роскошная Свадьба», чем я могу помочь? – слышится женский голос.

Я прочищаю горло, прежде чем заговорить.

– Здравствуйте. Меня зовут Бьянка Ковингтон. Я записана сегодня на примерку.

– Ах, да. На пять пятнадцать.

Я сглатываю.

– Возможно ли перенести? У меня немного изменились планы.

– Конечно, дорогая. Когда тебе будет удобно? Есть окошко в конце недели и еще одно в следующий чет...

– Есть что-нибудь позже? – выпаливаю я, прежде чем успеваю себя остановить. – Например, в следующем месяце.

– Безусловно. Можем записать тебя на двадцать пятое февраля. Так же на пять пятнадцать. Подойдет?

– Да, большое спасибо, – быстро отвечаю я и бросаю трубку.

Я люблю Стоуна... правда люблю.

Я просто не понимаю, почему, как только он надел кольцо мне на палец и я сказала «да», появилось ощущение, будто вокруг моей шеи затянулась петля.

Глава третья

Оукли

«Всего один глоток!» – кричит голос в моей голове. – Нет ничего страшного в одном маленьком глотке».

Захлопнув дверь мини-бара, я возвращаюсь в постель, вспоминая то, что услышал на встречах Анонимных Алкоголиков, куда недавно начал ходить.

Один глоток приведет к паре глотков, а пара – к целому стакану...

Что привело к тому, что я убил невинную девушку, которая была мне дорога, и испортил жизнь той, которую все еще люблю.

подавив рычание, я ложусь в кровать.

Мне нужно убираться отсюда.

Я вышел из тюрьмы почти три недели назад и с тех пор торчу в этом отеле... Спасибо, папа.

Вернее, *Кристалл*.

Они с отцом сейчас заняты неприятным разводом и борьбой за опеку над Клариссой Джесмин, или Кей-Джей, как я ее называю, ведь мало того, что ее настоящее имя просто дерьмовое, от него еще и язык заплетается.

После выхода из тюрьмы я должен был остаться с отцом, но Кристалл просто с катушек слетела от мысли, что бывший заключенный будет находиться рядом с ее ребенком. Учитывая то, что отец хочет получить полную опеку над Кей-Джей, он испугался.

Так что теперь я здесь. Близок к тому, чтобы сбежать через окно, потому что уже теряю остатки разума.

Словно по команде, раздается щелчок дверного замка. Мгновение спустя в комнату входит отец с подарками в руках.

– Так-с, – говорит он, показывая на два бумажных пакета. – Я принес мармелад и масло. *Аллилуйя*. Как вовремя, черт возьми.

По правде говоря, я не собирался притрагиваться к веществам после тюрьмы, но каннабидиол¹ – единственное, что помогает мне избавиться от приступов без огромного списка побочных эффектов. К счастью, доктор согласился выписать мне рецепт на медицинскую марихуану.

К сожалению, отец не доверяет мне достаточно, чтобы отпустить в магазин самостоятельно, поэтому – так как это теперь легально в Калифорнии – делает это за меня.

– Я буду мармелад.

Он открывает упаковку.

– Одну, Оук.

– Я знаю, пап.

Он пронзает меня взглядом.

– Я серьезно. Я делаю это только потому, что врач...

– Понял, – обрываю я, вырывая мармелад у него из рук.

Практически сразу на меня накатывает чувство вины. Отец сделал для меня очень много, а я веду себя как мудака.

– Как там Кей-Джей?

От этого вопроса он расплывается в улыбке.

¹ Каннабидиол – один из как минимум 113 каннабиноидов, обнаруженных в конопле. CBD не обладает какими-либо психоактивными свойствами, какими обладает тетрагидроканнабинол. Помимо лечения заболеваний, CBD обладает несколькими преимуществами для здоровья. Он дает ощущение благополучия, расслабляет, улучшает настроение и помогает бороться с депрессией. Это натуральный продукт без содержания никотина.

– Хорошо. – Улыбка становится шире. – Она такая умная. Утром она назвала мне все буквы алфавита по дороге в детский сад.

Ум у нее, очевидно, от папы.

Жаль, я не могу сказать о себе того же.

Единственное, что я унаследовал от него, это любовь к «Джеку Дэниэлсу».

– Это круто.

– Да, она занимается в этой программе, «Маленький Эйнштейн», в которую Кристалл... – Он замолкает на середине предложения, как обычно, когда упоминает ее имя рядом со мной.

Тем не менее за то, что все так сложно, мне некого винить, кроме себя.

Хоть отец никогда не говорил мне ничего плохого из-за этой ситуации. Он слишком занят тем, что выплескивает свой гнев на Кристалл.

Когда я спросил его почему, он ответил, что она – взрослая, а я был ребенком. Тогда я отметил, что меня с трудом можно было назвать *ребенком* и инициатива исходила от меня, поэтому у него есть полное право ненавидеть и меня тоже, но он сказал, что это невозможно, ведь я его сын. А значит, он любит меня несмотря ни на что.

Несмотря на то, какое я разочарование.

Отец прочищает горло и меняет тему.

– Может быть, у меня получится привезти Кей-Джей, чтобы ты мог ее увидеть.

– Это было бы круто.

Она, конечно, любит запихивать мне в рот свои хлопья и хватать меня за щеки, чтобы привлечь внимание, но тем не менее, даже когда мы проводим вместе всего несколько минут, я всегда улыбаюсь.

– Как дела с поиском работы? – спрашивает папа, усевшись в кресло напротив.

– Еще в трех местах мне отказали.

Так же, как и в предыдущих трех. Очевидно, строка *«только что вышел из тюрьмы»* ужасно смотрится в резюме.

Покопавшись во втором пакете, он бросает мне бургер.

– Что ж, у меня есть хорошие новости.

Подняв бровь, я разворачиваю упаковку.

– Какие?

– Я недавно встретил одного из своих старых клиентов, который заведует хозяйством в Дьюке, и он сказал, что ему нужен человек на полный рабочий день. – Он откусывает свой бургер. – Когда я сказал, что мой сын ищет работу, он предложил тебе зайти на собеседование на должность уборщика.

Я откладываю свою еду.

– Уборщика?

Я, конечно, не высокомерный сноб, но познание *славного труда уборщиков* никогда не входило в мои планы.

Не говоря уже о том, что мне совсем не хочется оказаться в Дьюке.

Там учится она.

Поправка, *они*.

Папа вытирает рот салфеткой.

– Может, это и не перспективно, но работа есть работа...

– Знаю, – резко говорю я, потому что он прав, и с моей стороны было бы глупо отказываться от этого предложения. К тому же у Дьюка огромная территория, так что я вряд ли с ней встречусь. – Во сколько мне подъехать?

– В двенадцать. – Отец смотрит на часы. – У тебя есть полчаса, чтобы собраться, так что доедай и беги в душ.

Я кусаю бургер и, прожевав, говорю:

– Пап.

– Да?

– Спасибо.

– Пока не за что, ты еще должен постараться и получить эту работу.

Я знаю.

Он делает глоток газировки.

– Возможно, я даже снял тебе квартиру.

Это что-то новенькое.

– Правда?

– Не радуйся слишком сильно, ничего роскошного. Студия на другом конце города... но это лучше, чем ничего. – Он берет в руки картошку. – Я оплатил первый месяц и отдал залог, можешь въехать завтра.

В груди зарождается странное чувство. Я всегда был плох в подобной хрени, но я и правда серьезно задолжал ему за все.

– Пап?

Он отводит взгляд.

– Я знаю, Оук.

Отец не просто спас мою задницу, когда я облажался, и помогает мне наладить жизнь после случившегося. Он также не заставляет меня чувствовать себя еще хуже.

– Прости, что причинил тебе боль.

Я сказал это шепотом, но он, очевидно, все услышал, потому что добавил, прочистив горло:

– Нам нужно поговорить еще кое о чем.

– В чем дело?

Я не могу понять, что значит выражение на его лице.

– У тебя не было приступов уже год.

– И?

Папа вздыхает.

– Права можно будет восстановить только через два месяца, но мы можем запросить разрешение, чтобы ты мог ездить на работу.

– Не заинтересован, – быстро отвечаю я.

Я не собираюсь снова садиться за руль. Потому что в последний раз...

Я убил человека.

Он раздраженно вздыхает.

– Если ты получишь эту работу, тебе понадобится транспорт.

– Буду ездить на автобусе.

Так я добираюсь на свои встречи Анонимных Алкоголиков и не понимаю, почему с работой нельзя сделать так же.

– А если ты опоздаешь на автобус? Проспишь? Что-то случится, и его отменят?

Я делаю большой глоток воды и встаю.

– Подожду следующий.

– Если тебе дадут ночные смены? В этом городе ты не дождешься автобус после семи.

Черт. Тут он прав.

– Пойду пешком.

Отец потирает переносицу.

– Десять миль в одну сторону.

Я пожимаю плечами.

– Вызову такси.

– Тебе едва будет хватать на еду и аренду. Кататься на такси два раза в день обходится очень дорого. – Он складывает руки на груди. – Я знаю, что тебе страшно. Я все понимаю. Но можно же найти какой-то компромисс...

– Компромисс? Хейли *мертва*, папа.

– Я знаю, – мягко говорит он. – Но как бы ужасно это ни было, ты не можешь вечно наказывать себя за одну ошибку. Твоя жизнь продолжается.

Он не *понимает*.

Но как я могу требовать от него этого?

Он-то никого не убивал.

– Пап...

– Черт возьми. – Его ноздри раздуваются. – Я не просил тебя ни о чем с тех пор, как ты освободился. Но мне нужно, чтобы ты это сделал. Если уж не для себя, то для меня.

– Почему? Почему для тебя так важно, чтобы я сел за руль?

– Потому что я не хочу, чтобы ты продолжал наказывать себя! – кричит он. – Хейли погибла в тот день... и ты вместе с ней.

В чем-то он прав.

Веселье закончилось, когда я стал убийцей.

Оукли, который вечно шутил, курил и трахался, чтобы забыть о проблемах и наслаждаться жизнью, давно в прошлом. На его место пришел мужчина, тонуший в сожалении.

Потому что именно этого я и заслуживаю.

А значит... отец прав. Он не просил меня о многом. На самом деле, ни о чем. Но я пока не готов к мысли о том, чтобы снова оказаться за рулем.

Я тревожно провожу ладонью по лицу.

– Мы можем поговорить об этом позже? Я хочу сосредоточиться на собеседовании и получить эту работу.

По нему видно, что его внутренний адвокат жаждет продолжения спора, но отец его затыкает.

– Ладно.

* * *

– Привет. – Я протягиваю руку. – Я Оукли. Сын Уэйна Зеленка. Я пришел на собеседование.

Мужчина – который даже не представился и не пожал мне руку – жестом говорит мне идти за ним в офис, где написано «Обслуживание».

– Шваброй пользоваться умеешь?

– Думаю, справлюсь.

Он бросает в меня темно-серую форму.

– Надевай. На следующей неделе сделаю тебе бейдж посимпатичнее.

Я моргаю.

– Это значит, я принят?

– Возможно. – Он держит во рту зубочистку. – Можешь начать сегодня?

Иначе какого хрена я здесь?

– Да.

Он пихает мне в руки швабру.

– Смена заканчивается в восемь, в полчетвертого можешь уйти на обед. – Мужик прищуривается. – Но у меня есть два правила, пацан.

– Какие?

– Не воруй и не опаздывай.

Я надеваю форму.
– Понял.

Глава четвертая

Бьянка

– Привет, – говорит Стоун, когда я вижу его у входа в аудиторию.

В прошлом семестре наши перерывы совпадали, так что мы могли вместе обедать, но теперь расписание совсем разное, поэтому у нас есть только несколько минут, чтобы поболтать, прежде чем я уйду поесть, а он – на следующее занятие.

Приподнявшись на носочках, я быстро целую его в губы.

– Как день?

– Хорошо. – Схватив за талию, он притягивает меня к себе, чтобы поцеловать еще раз. – Ждешь примерку платья?

Я чувствую вину, пульсирующую в груди, но у меня не выйдет рассказать ему о последнем воспоминании и внезапной неуверенности, не задев его чувства.

Поэтому я лгу, чтобы защитить его.

И предотвратит ссору.

– Типа того. – Я убираю волосы за уши. – Утром звонили из магазина. Они случайно записали двух людей на одно время. Теперь они могут принять меня не раньше двадцать пятого февраля.

– Нестрашно. Свадьба будет только в августе, так что у тебя полно времени, чтобы выбрать платье. – Посмотрев на часы, он бормочет ругательства. – Прости, но мне пора бежать, Борн, я опаздываю.

– Люблю... – начинаю я, но он уже уходит.

Бросив еще один взгляд в его сторону, я отправляюсь в буфет.

Территория университета просто огромная, но местная еда стóит долгой прогулки. Обычно я беру сэндвич с беконом, но сегодня мне хочется чего-то менее жирного, так что я выбираю ролл с яблоком и овощами. Забрав еду и расплатившись, я иду на свое любимое место.

Озеро.

Я удивилась, что оно находится на территории, но, побывав в этом маленьком и спокойном раю, я влюбилась.

Обычно мы приходили сюда со Стоуном, но из-за нового расписания я тут одна. Вернее, не совсем, потому что на моей лавочке сидит какой-то парень и ест сэндвич. Да, я знаю, что лавочки – это общественная собственность, но я привыкла думать, что это *мое* место. Кусочек спокойствия, где я могу отдохнуть и проветриться. Ну, когда Стоун не жалуется на то, как тяжело ему учиться на медицинском и сколько времени это отнимает.

подавив раздраженный вздох, я поднимаюсь на холм и подхожу к парню. Рядом с ним есть свободное место, поэтому он не должен быть против того, чтобы я села рядом.

– Можно я...

Слава застревают у меня в горле, когда я вижу его.

На нем надета какая-то серая форма, но она ни капли не скрывает его высокую мускулистую фигуру. Дыхание замирает, когда я оглядываю парня с головы до ног. У него безупречное лицо с выраженными скулами и полными губами, а на щеках проступила щетина того же светлого оттенка, что и волосы.

Я бы сказала, что он похож на типичного серфера из Калифорнии, но он выглядит намного сексуальнее... не то чтобы я обратила внимание на его внешность, ведь у меня есть жених, которого я люблю.

Мне следует отвернуться, поскольку я уже начала нагло разглядывать его, но глаза парня притягивают мой взгляд. Они потрясающего голубого цвета... но я теряю дар речи из-за паники, плещущейся в них.

Он выглядит одиноким. Даже *несчастливым*.

Так, словно ему нужен друг.

После этой мысли я нахожу в себе силы продолжить.

– Можно я присяду?

На его лице отражается множество эмоций, когда он оглядывается вокруг, будто думает, что его пытаются разыграть. В чем бы ни было дело, он, очевидно, не хочет, чтобы я осталась.

– Прости, что побеспокоила, я пойду...

– Останься.

Одно маленькое слово напоминает мольбу. Точно я нужна ему. Так что я остаюсь. Но завести с ним разговор оказывается сложно, потому что после этого парень замолкает. А значит, вся работа ложится на меня. Класс.

– Странно, что никто больше сюда не приходит.

Но в этом есть своя прелесть. Это единственное место на территории, где люди не бегают вокруг и не болтают без умолку.

Единственное место, где я могу услышать собственные мысли, когда мир становится слишком громким.

– Мой жених, Стоун, показал мне это озеро в прошлом семестре, – рассказываю я. – Он предложил обедать здесь, потому что ему не очень нравится, когда вокруг люди.

Что немного странно, задумываюсь я, ведь он собирается стать врачом. *Общаться с людьми будет его обязанностью.*

– В этом семестре у него изменилось расписание, поэтому мы видимся намного меньше, чем раньше, – объясняю я. – Он на медицинском, и у него очень много забот.

Когда я смотрю на своего нового друга, в его глазах снова плещется паника, но он продолжает молчать.

Странно.

Я прокручиваю обручальное кольцо.

– У меня должна быть свадьба в августе. – Я мысленно бью себя, когда понимаю, что сказала. – В смысле у меня *будет* свадьба в августе.

Восемнадцатого, если быть точной. Спустя ровно два года после аварии. Стоун выбирал дату. Он сказал, что та трагедия должна стать чем-то хорошим, потому что она свела нас вместе.

Парень поднимает на меня взгляд и пристально изучает. Я понятия не имею, что он видит, но это заставляет его нахмуриться и отвести глаза, сосредоточившись на озере.

– Ты женат? – спрашиваю я, только потом осознав, что это очень глупый вопрос, поскольку он ненамного старше меня и у него на пальце нет кольца.

Все еще глядя на озеро, он качает головой.

– Я никогда не планировала так рано выйти замуж, – признаюсь я, потому что по непонятной причине просто не могу себя заткнуть. – На самом деле, – добавляю я, – не уверена, какие у меня были планы, ведь я попала в аварию, и с тех пор у меня амнезия.

Он напрягается.

– Понимаю, – продолжаю я. – Звучит страшно, но... не знаю. Думаю, это даже к лучшему, потому что предыдущая версия меня была просто ужасным человеком.

– Почему ты так думаешь? – внезапно произносит он. – Если ты не помнишь ничего о своем прошлом, откуда ты знаешь, какой ты была и что тебя сделало такой?

Я задумываюсь над этим на мгновение и понимаю, что он мог бы быть прав. Если бы у меня не было парочки воспоминаний о том, кем я была.

– Ну, это случается нечасто, но иногда ко мне возвращаются некоторые воспоминания. Понемногу я узнаю о своем прошлом... но этого недостаточно, чтобы иметь полную картину.

Только чтобы понять, насколько ужасным человеком я была.

– Чем-то похоже на пазл, – шепчу я. – Но в нем не хватает кучи кусочков.

А значит, я никогда больше не смогу собрать себя.

Что, наверное, должно меня беспокоить, но я уже привыкла к этой мысли. У меня прекрасная жизнь и чудесные люди вокруг. Двое братьев, которые меня любят, отец, очень старающийся быть хорошим родителем, Дилан и Сойер, которые больше напоминают сестер, а не подруг... И жених, любящий меня больше жизни. Но я бы соврала, если бы сказала, что у меня есть все.

Огромный кусок моего сердца пропал.

И, если совсем по-честному... мне страшно, что я никогда его не найду.

Я вспыхиваю от смущения, когда по щеке стекает слеза. Не знаю, почему я вообще плачу. Черт, все это стоило бы сказать моему психотерапевту, доктору Уилсону, а не незнакомцу.

Но я не стану.

Учась на факультете психологии, я поняла, как все это работает. И когда я действительно искренна, он всегда что-то записывает. Дает оценку и ставит диагнозы, которые потом повлияют на мою жизнь.

Потому что это повесит на меня ярлык.

Честный разговор с незнакомцем подходит мне больше... Ведь даже если он меня осуждает, я вряд ли увижу его снова, так что это все не имеет значения.

– Не знаю, почему мне так грустно, – выдавливаю я, когда по щеке стекает еще одна слеза. – Чувствую только, что что-то не так.

Словно механизм у меня внутри дает сбой.

Его голубые глаза наполнены беспокойством, когда он переводит взгляд на меня.

– Бьянка...

В груди все сжимается.

Мало того, что этот парень знает мое имя, он еще и произносит его так, будто оно действительно для него что-то значит...

Словно мы знакомы.

Но я не успеваю подумать об этом, поскольку до меня доносятся смачные ругательства. Меньше чем через секунду в поле зрения появляется Джейс, который выглядит так, точно готов оторвать кому-то голову. Я не знаю почему, но его ярость направлена на парня, сидящего со мной на лавке.

– Какого хрена ты тут делаешь?

На секунду мне кажется, что Джейс говорит со мной, ведь с чего бы ему срывать на какого-то незнакомца парня.

Задержав на нем взгляд, я встаю с лавки.

– Обедаю...

– У тебя есть две секунды, чтобы убратся от нее подальше, или я врежу тебе по роже прямо здесь и прямо, мать его, сейчас.

Господи. Почему Джейс ведет себя как псих?

Парень должен быть напуган – мои братья умеют вселить страх, – но он спокойно встает и говорит:

– Я уйду. И просто, чтобы ты знал, я не искал ее. Так получилось.

Он не врет. Именно так все и произошло. Но я не понимаю, что страшного в том, что мы просто, черт возьми, поговорили?

– Что происходит?

– Ну конечно, – выплевывает Джейс, проигнорировав мой вопрос. – Думаешь, я тебе поверю? – Он подходит к нему ближе. – Я *знаю* тебя, ублюдок.

Это что-то новенькое.

– Может быть, кто-то расскажет *мне*...

– Тогда ты знаешь, что я ничего не сказал, – отвечает мой новый друг. – Мы просто...

– Джейс, хватит! – на бегу кричит Дилан.

– Нет, – рычит Джейс. – Этот мудака просто не в состоянии держаться от нее подальше.

Я начинаю уставать от того, что он говорит так, словно меня не существует, но еще сильнее, потому что не понимаю, из-за чего он так злится.

Когда Дилан подбегает к нам, я замечаю, как она бросает на этого парня быстрый взгляд.

– Что ты тут делаешь, Оукли? И почему ты так одет?

Оукли?

Коул упоминал как-то об их друге, которого звали Оукли, но это все, что я помню.

– Отец нашел мне работу уборщиком, – отвечает, очевидно, Оукли.

– Оу. Это хо... – Она бледнеет, когда замечает выражение лица своего парня. – Черт.

Я непонимающе моргаю. Откуда *они* знакомы?

– Вы знако...

– Какого хрена? – кричит кто-то очень сильно напоминающий Коула.

Твою мать. Для такого тихого места тут слишком много раздраженных членов моей семьи.

– Я застал его, когда он разговаривал с Бьянкой, – объясняет Джейс.

Глаза Коула сужаются до маленьких щелок.

– Ты, ублюдок...

– Хватит! – кричу я, потому что больше не могу это выносить. – Что происходит? Почему все злятся? – Я перевожу взгляд на Оукли, который выглядит так, словно хочет как можно быстрее сбежать из этого сумасшедшего дома, и я не могу его за это винить. – Откуда ты знаешь мое имя?

Оукли открывает рот, чтобы ответить, но Джейс его перебивает.

– Одно слово, мерзавец, и я тебя вырублю. – Он прищуривается. – Она счастлива. И последнее, что ей нужно, это ты, который снова разрушит ее жизнь, так что держись от нее подальше.

Снова разрушит мою жизнь? А это что еще значит?

– Господи. – Оукли складывает руки на груди. – Что бы вы там ни подумали, я не собирался ничего делать.

– Тогда уходи, – встречает Коул. – *Сейчас же*.

– Нет, – протестую я. – Кто ты?

От взгляда, которым он меня одаривает, у меня разбивается сердце.

– Никто.

И он уходит.

А я пытаюсь понять, почему в моей груди снова откликается эта тупая боль. И почему она пропала, когда *он* был рядом.

– Рассказывайте, – требую я. – Сейчас же.

– Не беспокойся об этом, – отвечает Джейс. – Вопрос решен.

Если бы это было так, я бы не чувствовала себя сейчас такой потерянной.

Я смотрю на Коула, чтобы убедиться, что я все правильно понимаю.

– Ты как-то сказал, что у вас был друг, Оукли. Ты говорил о нем?

У Коула начинают ходить желваки.

– Ага.

Мой разъяренный взгляд мечется между братьями.

– Тогда почему вы двое так его ненавидите?

Они молчат... что бесит меня еще больше.

Я смотрю на Дилан, потому что она всегда говорила мне правду.

– Дилан?

Видно, что она хочет рассказать мне все, но ей не дает это сделать яростный взгляд Джейса.

– Ладно, – произношу я. – Если никто не хочет рассказывать мне, что происходит, я найду его и спрошу сама...

– Бьянка, – пытается возразить Джейс, когда я разворачиваюсь, но с меня хватит.

– Пошел ты! – кричу я. – В одно мгновение я сидела и обедала, общаясь с милым ни в чем не повинным парнем, а в следующее ты напал на него, словно какой-то псих, и отказываешься мне рассказывать почему. – Где-то в горле скребется боль. – Вы явно что-то от меня скрываете...

– Он не милый и уж точно не невинный, Бьянка, – выплевывает Джейс. – Он тот кусок дерьма, который сел за руль пьяным и обдолбанным, и чуть не *убил* тебя, ведь ты была с ним в машине.

Глава пятая

Оукли

Правая – *тормоз*, левая – *сцепление*, напоминаю я себе, усевшись на харлей и надев шлем. С тех пор, как я в последний раз на нем ездил, прошло много времени, но мышцы вспоминают, как это делается, стоит мне выехать на дорогу.

Я не собирался снова садиться за руль, но, оказывается, отец был прав: автобусы не ходят в этом городе после семи. Учитывая то, что моя смена заканчивается в восемь, а дорога пешком до дома занимает два часа... мне пришлось подумать, как решить эту проблему, не подвергая окружающих опасности.

Только себя.

К счастью, ответом стало хобби моего отца.

Прежде чем жениться на Кристалл, он с ума сходил по мотоциклам и катался на своем харлее каждые выходные. Черт, он обожал свою *мальшку* настолько, что научил меня водить мотоцикл раньше, чем машину. Так что одолжить у него один из экземпляров коллекции оказалось несложно.

В моей голове, если я врежусь в кого-то за рулем харлея, убью я только себя. А значит, это идеальный вариант. Жаль, я не могу так же легко решить, что делать с Ковингтонами.

Или как помочь ей.

Джейс сказал, что Бьянка счастлива... но по ней этого не скажешь. Однако ее новая жизнь меня не касается. Потому что это не я надел кольцо ей на палец.

А он.

Что-то в груди неприятно скребется, пока я мчусь к Дьюку. Наверное, теперь она любит его... Но первым она полюбила *меня*.

Даже когда я ее ненавидел.

Прошлое...

Вечеринка в честь малыша.

Праздники для младенцев. Какая же это чушь. Кому, на хрен, нужна вечеринка, если ребенок еще даже не родился?

В груди клубится ноющая боль.

Не мой ребенок.

Выбравшись из машины, я ощупываю карманы, пытаюсь найти ключи от дома, но там оказывается пусто. *Черт*. Разобью окно и скажу мистеру Ковингтону, что туда залетела птица.

С чего бы мне любить тебя? Ты просто разочарование.

Последние слова Кристалл.

К черту эту шлюху.

Я любил ее. Дал ей все, что у меня осталось, но этого оказалось мало. Она меня использовала. А потом *бросила*.

Как моя мать.

Разбитый, я опираюсь на дверь гостевого домика, а мир вокруг начинает кружиться, словно я заработал себе персональный круг ада. Каждая женщина, которую я люблю, предает меня. И мне некого винить в этом, кроме себя.

Я поворачиваю ручку и с удивлением понимаю, что дверь открыта. Наверное, забыл закрыть. Ввалившись в помещение, я достаю содержимое карманов и кладу на стол. Зажигалка, пакетик травы – единственная сучка, которой я могу доверять, – и немного таблеток. Не заду-

мываясь, закидываю одну в рот. Это всего лишь экстази, так что меня не размажет настолько, насколько мне бы хотелось, но это лучше, чем ничего.

Что угодно, лишь бы унять эту боль.

Что угодно, лишь бы оказаться там, где я буду чувствовать себя в безопасности.

Там, где все супер, детка.

Там, где мои демоны меня не найдут, потому что я закрыл дверь и выкинул сраный ключ.

Только тогда я замечаю женскую фигуру, завернувшуюся в простыни на кровати. Я пытаюсь вспомнить, когда это успел позвать Морган, но, честно, ничего не приходит в голову.

Половина бутылки Джека и экстази делают свое дело.

Я расстегиваю ремень, снимаю штаны и начинаю трогать свой член через боксеры.

– Приветтики, – говорю я, ложась к ней в кровать.

Она молчит, но ничего страшного. Я знаю, как поднять и ее, и свой член. Закрыв глаза, я обнимаю ее, хватаясь за сиськи. Они больше, чем я помню. *Черт.* Это не Морган...

Это Хейли.

Единственная девушка, которая меня не бросила. Я послал ее раньше. Но иногда – в те ночи, когда мне особенно плохо, – я зову ее к себе, чтобы представить, как могла бы выглядеть моя жизнь. Что у меня могла бы быть прекрасная девушка. И я мог бы быть хорошим...

Что все могло бы стать так, как мне говорила мама, прежде чем уйти.

Застонав, я взбираюсь на нее сверху. Мне нужно потеряться в ней и забыться. У нее такая нежная бархатистая кожа. Сладкий аромат яблока наполняет мои легкие, когда я целую ее в шею.

Она пахнет по-другому, говорит мой мозг, но мне все равно.

Я чувствую себя настолько дерьмово, что трахнул бы и семидесятилетнюю старушку, которая продает мне виски и траву на заправке. Хейли постанывает, грудь вздымается, когда она трется бедрами о мой член. Обычно она так себя не ведет, но я рад, что эта девочка не боится взять то, что хочет.

В этом мы с ней похожи.

Я играю с одним из ее сосков через ткань лифчика. Выгнув спину, она впивается ногтями мне в затылок. *Боже.* Об этом я и говорю. Я провожу языком по границе бюстгалтера.

– Эта попка сегодня моя. – Я прикусываю ее сосок. – Слышишь?

Она замирает, и разочарование в моей груди словно тяжеленный кирпич. Теперь я точно уверен, что это Хейли. Мой невинный ангел. Мне пришлось встречаться с ней полгода, прежде чем она сдалась... но мне понравилась игра. Однако секс с ней стал скучным практически сразу после того, как я лишил ее девственности, потому что мы, очевидно, хотели разных вещей. Она ждала романтики и нежности, а я...

Я хотел трахаться.

Показать ей свои шрамы.

Но Хейли они были не нужны.

Никому не нужны.

Всем нужен только веселый шутник, который помогает людям почувствовать себя лучше. И я это делаю... ведь не хочу, чтобы люди, которых я люблю, бросили меня.

Давая Хейли то, что она хочет, я нежно сжимаю ее грудь, несмотря на то, что мне не терпится перевернуть ее, схватить за волосы и с размаху войти в ее задницу. Сделать так, чтобы у нее пошла кровь. Чтобы внутри все горело, чтобы там остался мой след.

Чтобы она никогда меня не забыла.

– Еще, – стонет она, умоляя так, как никогда раньше.

Я поднимаюсь выше и впиваюсь в ее губы, пока она обхватывает меня своими длинными ногами. Мне начинает казаться, что они не такие длинные, как я помню. Эта мысль должна бы заставить меня остановиться, но то, как она меня целует...

Господи, мать его, боже.

Этой девчонке мало, она словно пытается высосать из меня душу.

Когда она прикусывает мою нижнюю губу, нить, на которой я держался, рвется. Поцелуй становится горячее, и я засовываю в ее рот свой язык, исследуя ее изнутри. Моя рука опускается на ее шею, немного сжимая.

– Повернись и раздвинь ножки, чтобы я мог попробовать тебя на вкус.

Она открывает рот, но я снова засовываю туда свой язык, наслаждаясь. Ее жадный язык встречается с моим, и они начинают сражаться друг с другом. Она другая сегодня... немного агрессивная, но мне это чертовски нравится. Дьявол, у меня настолько крепкий стояк, что удивительно, как мой пирсинг не отлетел в другой конец комнаты.

Возможно, я не должен был изменять ей с Кристалл. Возможно, не должен был разбивать ей сердце... несмотря на то, что отпустить ее было правильным решением. Возможно, между нами что-то может получиться. Возможно, нам нужно было расстаться, чтобы снова быть вместе.

Возможно...

– Оукли, – хнычет она.

Ее голос наполняет мои вены ядом.

Нет.

Когда я открываю глаза, оправдываются мои худшие опасения.

Уж точно агрессивная.

Я вскакиваю с кровати, словно у меня загорелись яйца. А если Джейс и Коул когда-нибудь об этом узнают... черт, это может произойти буквально.

Я знал, что в последнее время Бьянка странно на меня смотрела, *словно я – ее следующая жертва*, но и подумать не мог, что все пойдет так далеко.

Мое тело пронизывает стыд, словно сотни маленьких иголок впиваются в кожу. Я чуть не трахнул младшую сестру моих лучших друзей.

Твою же мать. Ей только исполнилось шестнадцать.

Схватив толстовку с кровати, я прикрываю свою эрекцию, натягиваю трусы и включаю ночник.

– Какого хрена ты тут делаешь?

У Бьянки хватает наглости выглядеть обиженной, когда она отбрасывает простынь, представляя моему вниманию свои сексуальные розовые трусики и лифчик, едва прикрывающие хоть что-то.

Твою налево.

Прикусив костяшки, я выключаю свет, заставляя член не реагировать так на ее тело.

Милые щенки и уродливые монашки.

Эта упертая чертовка снова включает свет.

– Я живу здесь, помнишь?

– Нет, – напоминаю я ей, показав на дверь. – Ты живешь *там*.

На самом деле, я более чем уверен, что она прописана в аду, но это сейчас не так важно. Я плачу – не очень много, но тем не менее – за то, чтобы жить в гостевом доме ее отца. А не за то, чтобы меня соблазнила малолетка в сексуальных розовых трусиках, которые я хочу разорвать на ней зубами.

Черт. *Милые щенки и уродливые монашки.*

Мне хватало того, что приходилось смотреть, как она плавает по утрам в бассейне в крошечном купальнике, прежде чем убежать в школу. Но залезть ко мне в кровать посреди ночи?

Я никогда не думал, что Бьянка будет играть настолько грязно.

Член дергается от нетерпения. *Дерьмо такое.* Плохая формулировка.

Тогда до меня доходит.

Бьянка никогда не делает такие вещи просто так. Всегда есть причина. Вопреки самому себе, я даю ей право оправдаться, ведь она никогда прежде не устраивала мне проблем. По крайней мере, таких.

– В какое дерьмо ты влипла?

Она смотрит так, будто у меня выросла вторая голова.

– Дерьмо? Почему...

– Потому что ты собираешься меня шантажировать.

Бьянка моргает, словно не понимает, о чем идет речь, а затем ее губы изгибаются в злобной ухмылке.

– Вау. – Она медленно встает с кровати и идет в мою сторону. – Так вот что ты подумал? Я сжимаю челюсть так сильно, что удивляюсь, как зубы не начали крошиться.

– Я тебя знаю, помнишь?

– Ты прав. – И прежде чем я успеваю ее остановить, она проводит своим розовым ногтем по моему животу. – Но ты кое-что упустил.

Отбросив ее руку, я рычу:

– Что?

Бьянка подходит ближе, заставляя меня вжаться в стену.

– Это ты поцеловал *меня*. – Кожа начинает зудеть от раздражения, когда она снова касается моего живота. – И судя по всему, тебе понравилась наша маленькая игра. *И даже очень.*

– Ты права... понравилась. – Я хватаю ее за запястья, отталкивая от себя, прежде чем она успевает дотронуться до моего члена. – Потому что я думал, что ты – Хейли.

Я понятия не имею, что значит это выражение на ее лице. Не могу понять, злится ли она или ей действительно больно. Да кого я обманываю? На то, что я называю ее Исчадьем Сатаны, есть свои причины. Ее внешность так же опасна, как и она сама.

Все в этой злобной ведьме – подделка.

Резкое жжение от ее руки, встретившейся с моей щекой, заставляет меня подавить стон.

Джейс как-то пошутил, что чокнутые сучки меня заводят, и он был прав. *Но у всего есть свои пределы.*

Я собираюсь сказать ей, чтобы проваливала, но, словно животное, нашедшее свою добычу, она встает на носочки и впивается в меня губами, практически сразу пытаюсь засунуть свой язык мне в рот. Я быстро прихожу в себя и отталкиваю ее.

Слишком сильно, потому что она снова падает на кровать. Взгляд, которым она одаривает меня, заставляет задуматься, стоит ли все это того, чтобы пожертвовать своей дружбой с Джейсом и Коулом.

Да ни хрена подобного.

То, что она вообще поставила меня в такое положение, уже дерьмово. Она знает, что я считаю Джейса и Коула своими братьями. Своей *семьей*. Мелкая циничная соблазнительница.

Ярость наполняет мое тело, когда я стягиваю ее с кровати.

– Вали на хрен отсюда.

Отчасти я понимаю, что, возможно, перебарщиваю, но она разбудила зверя.

– Ты сам это начал, – выплевывает она, пока я тащу ее к двери.

Потому что я *не знал*.

– Это, может, и правда, – я поворачиваю ручку и выталкиваю ее на улицу, – но прямо сейчас я это, черт возьми, заканчиваю.

Навсегда.

Я подбираю ее футболку с пола и бросаю в нее.

– Убирайся. *Сейчас же.*

Ее нижняя губа начинает дрожать. Черт, а она хороша. Как и моя мать, она гордо носит на себе корону, выкованную из манипуляций, обмана и притворных обид, а мне такое на хрен не нужно.

– Оукли...

– Еще раз выкинешь подобное дерьмо, и я все расскажу Джейсу и Коулу.

Это пустая угроза. Я, может, и близкий для них человек, но не кровный родственник. Бьянка имеет власть над ними обоими, и я знаю, что они поверят любой ее истории. Эта ночь, вероятно, приведет к тому, что мне надерут задницу, но она точно не закончит нашу дружбу, ведь я намеренно не стал ничего с ней делать. *Никогда бы не стал.* И врагу бы не пожелал.

– Проклятье, Бьянка. Что с тобой, дьявол тебя раздери, не так? – Я не чувствую ничего, кроме отвращения. – Ты не можешь вот так просто залезать в постель к взрослым мужчинам посреди ночи. – Я хватаю ее за подбородок, заставляя посмотреть на меня. – Ты хоть представляешь, что я бы с тобой сделал?

В Бьянке не осталось ничего невинного, но это не отменяет того, что она выросла у меня на глазах. Желудок сжимается от спазмов. Я все еще помню ту маленькую девочку с пушистыми волосами, которая носила очки и брекеты. Девочку, которая плакала, когда у меня случился приступ, потому что ей становилось страшно... а потом успокаивалась, когда он заканчивался, и приносила мне томатный суп с тостами.

Девочку, которая никогда бы не сделала ничего подобного.

Бьянка соблазнительно улыбается.

– Вообще-то да, представляю. – Ее ноздри раздуваются. – Хватит делать вид, что ты этого не хотел.

И в чем смысл вообще пытаться донести до нее что-то?

Я злобно смеюсь.

– Когда понял, кто лежит у меня в кровати? – Я оставляю между нашими лицами опасно короткую дистанцию. – Не хотел ни капли.

Между нами ничего никогда не будет. Никогда.

Ее огромные карие глаза начинают блестеть.

– Оукли.

Господи. Неужели она правда думает, что эти наигранные слезы на меня подействуют?

– Скажи, почему...

– Потому что я тебя не хочу, – рычу я, и вена на моей шее начинает пульсировать от гнева. – И никогда, черт возьми, не буду хотеть.

Потому что она точно такая же, как первая сука, разбившая мое сердце.

А значит, мне нужно держаться от нее подальше.

Всегда.

Глава шестая

Бьянка

Я ворочаюсь с бока на бок в своей спальне, пытаюсь уснуть... но это бесполезно. Мой мозг продолжает подкидывать вопросы, на которые у меня нет ответа, и он никак не может успокоиться.

Все это время я думала, что за рулем той машины была Хейли... но оказалось, что это был Оукли. Парень, которого я до сегодняшнего дня даже не помнила. И, учитывая то, что у меня нет никаких воспоминаний, связанных с ним... я не знаю, *почему* я была с ним в одной машине.

Я потираю пульсирующие виски, но это не помогает, поэтому я беру с тумбочки баночку с таблетками. Взяв бутылку воды, закидываю в рот капсулу.

В последнее время у меня появились проблемы со сном из-за тревожности, поэтому врач прописал мне эти лекарства, чтобы облегчить мое состояние. Если честно, я ненавижу их принимать, потому что на следующий день чувствую себя как зомби, но утром у меня тест по статистике, и мне нужно отдохнуть.

Я ложусь обратно в кровать и заставляю себя закрыть глаза. Ведь завтра после теста...
Я собираюсь докопаться до правды.

Прошлое...

Я чувствую, как он на меня смотрит.

Он скорее себе язык откусит, чем признает это... Но иногда я чувствую, как эти прекрасные голубые глаза скользят по моей фигуре. Несмотря на то, что он не должен обо мне думать. Он должен думать о Морган.

В ту же секунду ее взгляд вторит его взгляду.

Неудивительно, моя сучка голодна.

И он ничего об этом не знает.

Поборов желание улыбнуться, я облизываю губы и поправляю свой слитный купальник.

Я немного жалею, что не надела оранжевое бикини – это любимый цвет Оукли, – но мне не нравится показывать свой шрам на животе всем подряд. К тому же мы вроде как отмечаем мой день рождения, так что незачем грустить. Несмотря на то, что восемнадцать мне исполнится только через пару дней. Но Джейс и Коул уже запланировали на следующую неделю поездку со своими девушками, которые – какая неожиданность – лучшие подружки. А значит, мне приходится довольствоваться барбекю на заднем дворе у бассейна. Я, конечно, не хочу жаловаться, но...

Я чертовски зла.

Я всю жизнь ждала, пока мне исполнится восемнадцать, а им насрать.

На Коула я еще не так сильно злюсь, потому что его невеста Соьер – самое близкое к другу, что у меня есть. Но Джейс? Я всем своим сердцем *ненавижу* его сраную девушку. Если бы она не ввела в заблуждение Лиама – моего брата, который покончил с собой...

Ох, простите. Это слишком?

Что ж, пристегните ремни, дорогуши. Потому что мы только начали говорить о моей дерьмовой жизни.

Так вот, если бы Дилан не ввела в заблуждение Лиама и не согласилась пойти с ним на школьные танцы в ту ночь, когда он покончил с собой, возможно, Лиам все еще был бы жив. Очевидно, я никогда не прощу ее за это. Но она делает Джейса счастливым – до тошноты

счастливым, – так что мне приходится ее терпеть. Ведь ради моих братьев я сделаю все. Даже когда они ведут себя как конченые придурки.

– Бургеры и стейки практически готовы, – говорит Джейс, переворачивая мясо на огромном гриле.

Прищурившись, я прочищаю горло. *Громко.*

– Да-да, веганский бургер именинницы тоже, – добавляет Джейс, усмехнувшись.

– Вау, чудеса случаются, – бормочу я. – Хоть раз ты обо мне не забыл.

Я рада за Джейса и Коула, но мне тяжело, поскольку я теперь не главная девчонка в их жизни. И когда я говорю *тяжело*, я имею в виду, что внутри все разрывается от боли.

Джейс хмурится.

– Бьянка...

Я не слышу конец предложения, потому что кто-то переворачивает матрас, на котором я лежала, и я оказываюсь в бассейне. От неожиданности я, наглотившись воды, вынырываю на поверхность и начинаю кашлять. И сразу же вычисляю нападавшего.

Коул.

Кто бы сомневался. Он вечно вытворяет всякие гадости.

Все еще кашляя, я со всей силы бью его по руке.

– Мудак.

Он невинно пожимает плечами.

– Что? Мне показалось, что тебе жарко, и я решил помочь. – Он ухмыляется Джейсу. – *Теперь* ты похожа на енота. – Коул поднимает брови. – Зачем вообще тебе эта хрень на лице? Ты же в бассейне.

Как бы я его ни любила... иногда я его ненавижу.

Серьезно ненавижу.

Я накрашена по той же самой причине, по которой красится любая девушка. Чтобы впечатлить какого-то придурка. Придурка, который оказался лучшим другом моих братьев. Придурка, который одним поцелуем украл орган, бьющийся у меня в груди. Придурка, который говорит, что *ничего* от меня не хочет.

Несмотря на то, что раньше мы были друзьями.

Раздраженно вздохнув, я выбираюсь из бассейна и иду к гостевому домику. Домику Оукли.

Да, знаю, *сложно*.

Поверьте на слово, нет ничего хуже, чем знать, что единственный человек, которого ты хочешь, и единственный, кого ты не можешь получить, живет у тебя на заднем дворе. С одной стороны, я хочу, чтобы он съехал, ведь я не нуждаюсь в ходячем напоминании, но с другой, глупая, иррациональная часть меня, управляемая этим дурацким органом, хочет, чтобы он остался здесь навсегда. В любом случае за ним проще приглядывать, когда он рядом.

Я закрываю дверь в ванную, когда в домик входит Морган. Я открываю рот, чтобы послать ее, но не успеваю, потому что она впивается своими губами в мои.

Проклятье, начинается.

Я много раз говорила ей, что если ей нравится отлизывать мне, то без проблем, но мы *не* встречаемся.

– Я скучала, – шепчет Морган.

Я закатываю глаза так сильно, что, клянусь, вижу свои мозги.

– Мы виделись вчера, – напоминаю я ей.

Она морщится.

– Виделись, но я не видела *тебя*.

Ага, она имеет в виду мою *киску*.

– Мои братья прямо за дверью.

Она снова набрасывается на меня своими губами, но в этот раз я позволяю ей запустить язык мне в рот, прежде чем оттолкнуть ее. Ведь чем больше она хочет меня, тем меньше хочет его.

– Я быстро, обещаю.

– У тебя есть пять минут, – соглашаюсь я. – И так как это мой день рождения, тебе лучше постараться.

Упав на колени, она отодвигает в сторону мой купальник.

– Не волнуйся, детка. Я все сделаю.

Мгновение спустя она касается моего клитора своим языком.

То, что начиналось как способ манипулировать ею в прошлом году, превратилось в... *это*.

В десятом классе Морган меня ненавидела. Но потом, как это типично для меня, я отобрала ее место будущего капитана группы поддержки и выгнала ее из команды. К концу учебного года она поняла, что является обыкновенным пустым местом и начала умолять меня вернуть ее в команду. Я сказала ей, что, если она готова сделать *все что угодно*, чтобы заслужить это место, она должна встретиться со мной на причале в полночь.

Я собиралась просто поставить ее на место, поскольку правда считала, что она не согласится на условия, но Морган удивила нас обеих, когда ее лицо оказалось под моей юбкой и она вылизала меня, словно тарелку после любимого торта. Черт, девчонка получила от этого больше удовольствия, чем я. И, учитывая то, какая она опытная, это явно *не было* ее первым знакомством с чьей-то киской.

Разумеется, я сразу достала телефон – намереваясь снять себе материал для шантажа на всякий случай, – но тогда заметила на парковке кое-кого еще. Стоуна ДаСильва – младшего брата самого отвратительного куса дерьма на планете, Томми ДаСильва. Он наслаждался шоу, а заодно снимал видео для своего архива.

Меня передергивает.

То, что мне пришлось сделать, чтобы заставить его удалить это видео... я не хочу об этом думать. *Чертов ублюдок*.

Я опускаю глаза на Морган.

– Ты недостаточно стараешься. – Я хватаю ее за затылок. – Работай ротиком.

Ее горячие губы сжимаются вокруг моего клитора. *Намного лучше*.

Наверное, я должна корить себя за то, что пользуюсь ею, но я с самого начала честно сказала Морган, в чем заключается наше общение. Я не виновата в том, что ее тянет к моей киске словно мотылька к огню.

Морган, вероятно, скрытая лесбиянка, и это весьма иронично, учитывая то, что ее отец – богатый политик, открыто говорящий о своей ненависти к гомосексуалистам. И это дерьмово, что она не может быть самой собой. Возможно, я бы уважала ее больше, если бы ей хватило на это смелости. Возможно, и Оукли тоже, поскольку он так же, как и я, использует ее для своих нужд. А Морган, кажется, нравится, когда ее используют.

Бедная девочка не получала достаточно родительского внимания.

Это практически забавно, как дерьмовое детство может превратить нас в еще более дерьмовых взрослых. Не говоря уже о разных пристрастиях.

Например, Оукли. Его мать бросила их с отцом и стала шлюхой-наркоманкой, когда ему было четыре. Оукли говорит, что она была красивой высокой блондинкой. Угадайте, какой *типаж* предпочитает Оукли?

Садитесь, пять.

Я наматываю на кулак светлые волосы Морган.

– Заставь меня кончить, шлюшка.

Обычно я не называю девушек шлюхами, если они этого не заслужили, но это заводит Морган и помогает ей довести меня до оргазма намного быстрее. Плюс, это позволяет мне выплеснуть хотя бы немного злости, вызванной тем, что она спит с моим мужчиной, не причиняя ей физического вреда. Думаю, все от этого только выигрывают.

К тому же это скоро кончится, ведь она уезжает в колледж. Я даже не сомневаюсь, что она найдет себе там какую-нибудь горячую девчонку, которая так же, как и она, любит стоять на коленях. И тогда она отстанет от меня – и от Оукли – навсегда.

– Вот так, – шепчу я. – Хорошая девочка.

Ноги дрожат, когда волны удовольствия начинают курсировать по моему телу. И в этот момент мой мозг снова это делает. Ощущение такое, словно разум отделяется от тела. Я называю это защитным механизмом, но психология говорит, что это *деперсонализация*. Не уверена, почему так случается, когда я кончаю с кем-то, кроме себя самой, но, возможно... Я бы сказала, что так я ограждаюсь от людей, с которыми сплю, чтобы они не получили ничего, кроме моего тела.

Секс – хоть во мне *пока* и не было члена – это просто физическая стимуляция, которую люди запрограммированы хотеть.

Когда тело успокаивается, я поправляю свой купальник и, даже не поблагодарив, иду к двери.

– Бьянка, – шепчет Морган, когда я поворачиваю ручку. Ее голос дрожит.

Нет. У меня нет времени на эти сопли.

Я закрываю за собой дверь и в тот же момент понимаю, что, наверное, стоило остановиться, ведь меня заметили. Большие карие глаза Сойер впиваются в мои. Я собираюсь сделать комплимент ее подчеркивающему фигуру купальнику, но она вдруг шипит на меня:

– Серьезно? – Она кивает на дверь. – Оукли стоит прямо у входа.

Сойер пообещала, что будет хранить мои секреты, но я вижу: они поедают ее изнутри, поскольку он такой же друг для нее, как и я.

– Я не виновата, что она проголодалась.

Сойер потирает переносицу.

– Ты должна рассказать ему.

Я как раз собиралась сообщить Оукли о том, как Морган без ума от моей киски. *Если* этот придурок когда-нибудь заговорит со мной, вместо того чтобы избегать.

– Расскажу... когда представится подходящий момент.

Она качает головой.

– Так не пойдет. Чем дольше это будет продолжаться у него за спиной, тем больнее ему будет.

Я поднимаю бровь. *Она же шутит*, правда?

– Больнее? – У меня вырывается смешок. – Ты ведь знаешь, что ему на нее плевать? Они просто используют друг друга.

Сойер нервно переминается с ноги на ногу.

– Я понятия не имею, что он чувствует к ней. Но я знаю, что устраивать подобное у него за спиной неправильно. Он заслуживает знать...

– Кто что заслуживает знать? – спрашивает Оукли, входя в помещение как к себе домой. Учитывая то, что он платит аренду и все такое... наверное, так оно и есть.

Я бросаю взгляд на Сойер, говоря ей заткнуться. Она пытается сглотнуть ком в горле, но у нее не выходит, и она машет конвертом, который держит в руках.

– Я забронировала для нас с Бьянкой СПА на ее день рождения... но единственная свободная дата выпадает на первую игру Коула в новом сезоне. – Она смотрит на меня, протягивая конверт. – Бьянка говорит, что я должна соврать и заставить его думать, будто я пришла на игру и просто уехала пораньше, но я сказала, что нельзя лгать людям, которых ты любишь.

После этого она убегает.

Я с трудом сдерживаю смех. На то, что мой брат называет ее Святошей, есть свои причины. Во-первых, она регулярно ходит в церковь, потому что ей это нравится, а во-вторых, она один из самых преданных и заботливых людей на планете. Если не учитывать ее историю с аддераллом, случившуюся чуть больше года назад, ее никогда никто не ловил на лжи.

Но я не могу думать о моральной дилемме Соьер сейчас, когда *он* стоит передо мной.

Глаза голубые, точно океан, светлые волосы, очерченные скулы и челюсть, полная нижняя губа, в которую так и хочется вонзить зубы... чистое совершенство.

– Привет...

– Ты видела Морган?

Если бы я была кем-то другим и у нас завязался диалог, Морган была бы последней, о чем он стал бы думать.

Но сейчас все по-другому.

Потому что я влюбилась в него после поцелуя, который мне даже не предназначался. А он почувствовал необходимость отстраниться от меня, словно я источаю яд.

– Она в ванной.

Вытирает мою смазку со своего лица.

Наступает неловкая тишина, пока дверь в ванную не распахивается и оттуда не выходит Морган.

– Ванная в твоем распоряжении, сучка, – выплевывает она, толкнув меня плечом.

Я выставляю ногу немного вперед, пока она идет к Оукли, что заставляет ее споткнуться.

– Мне она не нужна. Я там уже была, помнишь?

Морган моргает, явно застигнутая врасплох.

– Неважно.

Встав на носочки, она обнимает Оукли за шею и целует его в губы.

– Что мы делаем сегодня вечером?

– Не знаю. – Оукли притягивает ее к себе и целует еще раз, но я не могу не заметить, как его взгляд скользит на меня, когда она придвигается ближе. Словно он специально пытается меня задеть. – Но мне нужны эти губы. – Он хватает ее за задницу. – Ты такая сладкая.

Разумеется.

Усмехнувшись, я смотрю ему в глаза.

– Хотя, пожалуй, мне нужно поправить макияж. Учитывая то, что Морган вылизывала мою киску, у меня не было возможности это сделать.

Морган замирает. На лице Оукли непонимание.

Моя усмешка становится шире, когда я вхожу в ванную и захлопываю за собой дверь.

Миссия выполнена.

* * *

Незачем даже говорить, что после этого ситуация стала странной.

Для Оукли и Морган.

Я довольна, как слон, поскольку уверена, что Оукли бросит ее еще до того, как закончится вечеринка.

И правда хороший день рождения.

Сияя, я пробираюсь к грилю и вгрызаюсь в свой вегетарианский бургер.

Я не всегда была вегетарианкой, но десять лет назад Лиам решил, что хочет стать веганом, потому что его нежное сердце не могло больше выносить убийства и поедание животных. Его хватило ненадолго – очень уж он любил молоко и сыр, – но мясо ушло из его рациона.

Джейс и Коул скорее отрежут себе левые руки, чем откажутся от стейков и бургеров, но я без проблем присоединилась к нему. Ведь он был моим старшим братом.

Человеком, которого я любила больше всех в этом мире.

Учитывая то, что он мертв, наверное, я могла бы начать есть все, что захочу, но мне не нравится нарушать данное ему обещание.

Я машинально дотрагиваюсь до своего кулона со Святым Кристофером и крылышком, что висит у меня на шее, но вдруг знакомый голос вырывает меня из мыслей.

– С днем рождения, красotka! – радостно кричит Хейли, выходя на задний двор с каким-то парнем.

Краем глаза я замечаю, как напрягается Оукли. *Отлично.*

Хейли – бывшая девушка Оукли. Только, в отличие от Морган, которая вела себя со мной как настоящая сука, Хейли довольно милая. Что-то мне подсказывает, что для Оукли она всегда будет незакрытым гештальтом. А значит, Хейли представляет еще большую угрозу, нежели Морган, и мне нужно сделать все, чтобы она держалась от него подальше. Это одна из причин, почему я взяла ее под свое крыло и заставила думать, будто мы *лучшие подружки*.

Лучшие подружки, которые иногда трахаются.

Ведь чем больше она хочет меня... тем меньше хочет Оукли. И чем больше времени я проведу с ней, тем больше грязи смогу найти.

Грязи, которая причинит ему боль.

Я целую Хейли в щеку.

– Привет.

Мой взгляд перемещается на парня рядом с ней. Среднего роста. Обычное телосложение. Темные глаза и волосы. Не урод, но и далеко не мой тип.

Ладно, подойдет.

– Как зовут твоего друга?

Она понимающе улыбается.

– Зак.

– Привет, – говорит он. – Хейли много о тебе рассказывала.

Неужели?

Зак протягивает мне руку, но я ее игнорирую.

– Надеюсь, только хорошее.

Он облизывает губы, рассматривая меня с ног до головы.

– *Очень* хорошее.

Да, очевидно мы все сегодня повеселимся.

Я собираюсь пожать Заку руку, но Джейс меня опережает. Он сжимает ее с такой силой, словно пытается оторвать.

– Я ее старший брат.

После этого Коул стучит Зака по спине. *Сильно.*

– И я.

В груди начинает шевелиться раздражение. *Чертовы стервятники.*

Вздвогнув, Зак кивает.

– Привет, я... – Он сбивается.

– Мой новый парень, – приходит на помощь Хейли.

Джейс и Коул обмениваются взглядами.

– Тогда тебе лучше глазеть на свою девушку, а не на мою младшую сестру, приятель, – рычит Джейс, а затем возвращается к грилю.

– Если ты хочешь, чтобы тебе было чем глазеть, – угрожает Коул, прежде чем откусить бургер.

Бедный Зак выглядит так, словно вот-вот запачкает штаны. *Слабак.*

– Так, мальчики, угомоните свой тестостерон, – шутит Сойер, подходя к своему жениху.
– Не обращай на них внимания, – добавляет Дилан, игриво хватая Джейса за задницу и целуя его в шею. – Они всегда ворчливые, когда голодные.

Злость в глазах Джейса быстро сменяется желанием. *Мерзость.*

Сойер кладет на тарелку два бургера и отдает ее Хейли и Заку.

– Держите. Очень вкусные.

Коул бросает на нее недовольный взгляд, но она поднимается на носочки и целует его в нос.

– Расслабься, Колтон.

Мой брат растекается, словно масло в жару.

Если хоть одна из них ждет от меня спасибо, то у них точно больше шансов увидеть единорога.

Ситуация становится более напряженной, когда Морган и Оукли подходят к нам, чтобы положить себе еще еды.

– Привет, – пищит Хейли своему бывшему.

Оукли расцветает на глазах.

– Привет. Как ты?

Какого хрена?

Я *ничего* ему не сделала, а он относится ко мне как грязи на своих ботинках последние два года. Но тут Хейли – его чертова *бывшая* – говорит «привет», и он ведет себя так, словно она сраную радугу в небе нарисовала.

Это нечестно.

Он единственный, кого я хочу... и единственный, кого не могу получить. Так что помоги мне, Господи, возможно, я сегодня убью эту суку.

Я бросаю свою тарелку с недоеденным бургером на землю. Мой день рождения еще даже не наступил, но он уже дерьмовый. Я так устала от того, что недостаточно хороша для него. От того, что мое сердце разрывается из-за человека, который меня ненавидит.

И все из-за одного поцелуя.

Мама была права.

Никакой наркотик не способен испортить тебе жизнь так же, как любовь.

– Наверное, вам двоим пора подарить Бьянке ее подарок, – обращается Сойер к моим братьям, окинув меня сочувствующим взглядом.

Мне не нужна ее жалость.

Я просто хочу свою семью назад.

И чтобы *он* перестал относиться ко мне как ко вселенскому злу.

Джейс и Коул снова обмениваются взглядами, прежде чем Джейс вытирает руки полотенцем. Он выглядит напряженным. Коул тоже. Значит, их подарок должен быть невероятно хорош.

Я смотрю на них, положив руки на бедра.

– Что это?

Ожидание меня убивает.

Джейс тяжело вздыхает.

– Что ж, посоветовавшись, мы решили...

– Что разрешаем тебе сделать татуировку, – заканчивает за него Коул с ухмылкой.

– Маленькую, – цедит сквозь зубы Джейс.

– И ничего пошлого, – добавляет Коул.

Кожу начинает покалывать от раздражения.

– Вы, мать вашу, издеваетесь?

Их полные недоумения лица подсказывают мне, что они не издеваются.

– Мне восемнадцать, – напоминаю я им, сделав несколько шагов вперед. – И это значит, что мне не нужно чье-либо *разрешение*, чтобы сделать что-то со своим телом.

Когда мне было шестнадцать, Джейс, Коул, Дилан и Соьер набили татуировки в память о Лиаме. Я умоляла Джейса взять меня с ними, но он отказался. Сказал, что я еще слишком мала. Несмотря на то, что он сделал свою первую татуировку в шестнадцать.

Господи. Я так устала от того, что они вечно трясутся надо мной, точно я неразумный ребенок.

Словно никто меня не видит и не слышит... пока я кричу изо всех сил.

– Лиам подарил бы мне что-нибудь потрясающее, – шепчу я. – Что-нибудь, что я действительно хочу.

Может быть, что-то связанное с психологией – моей любимой наукой.

Ведь Лиам понимал меня. *Он хотел этого*. А все остальные просто боятся лезть в мою ненормальную голову, поэтому даже не пытаются. Они так зациклены на собственных шрамах, что им плевать на мои. Держатся от меня подальше... поскольку не могут со мной справиться.

Пошли они все.

Боль, исказившая их лица, подсказывает мне, что мои слова сильно ранили их. *Отлично*. Они смогли пережить смерть Лиамы и найти свое счастье. Бросив меня в этом аду. Одну. *Разбитую*. Неспособную никому рассказать о своих чувствах.

Потому что тогда я разрушу остатки этой чертовой семейки.

Я безумно люблю их и никогда этого не сделаю. Жаль, они любят меня недостаточно, чтобы увидеть, что находится под моей маской.

Маленькая девочка, изнывающая от боли, которая не может выйти из тени.

Они видят лишь злую стерву, манипулирующую всеми вокруг и наносящую удары еще до того, как кто-то успеет к ней подобраться.

Я машинально смотрю на Оукли.

И он пусть катится к дьяволу.

Я заставлю его жалеть о каждой секунде, что он меня ненавидел, даже если это будет последнее, что я сделаю.

Никто не произносит ни слова, но я ощущаю на себе злой взгляд Дилан. Я собираюсь выколоть ее чертвы глаза, но к нам подходит отец.

– Простите, что опоздал. – Он нервно посмеивается. – Как-то слишком тихо для вечеринки. Все в порядке?

То, что он вообще пришел, уже удивительно.

Ни для кого не секрет, что на работе отец проводит больше времени, чем со своими детьми. Поэтому Джейс всегда был для меня бóльшим авторитетом, нежели он.

– Что ты тут делаешь?

Хорошо, что папа догадался не приводить свою девушку Надю, иначе здесь случилась бы драка.

Он смотрит на Джейса.

– Джейс...

– Я его пригласил, – нервно бормочет Джейс.

Я хочу сказать, что это едва ли можно назвать «приглашением», учитывая то, что это *его* дом, но сейчас есть вещи поважнее.

Никто не относится к нашему отцу хуже, чем Джейс, поэтому то, что он пригласил его на вечеринку... странно.

Мои глаза впиваются в брата.

– Почему?

– Потому что это твой день рождения. – Он отводит взгляд. – Я хотел, чтобы здесь присутствовали все, кому ты дорога.

И в эту же секунду я чувствую себя самым отвратительным человеком на планете. Потому что *так* поступил бы Лиам.

Я не особо горела желанием видеть здесь отца, но то, что Джейс позвонил ему, равносильно тому, как если бы он босиком прошелся по раскаленным углям.

– Оу. – Я перевожу взгляд на папу. – Привет, папочка.

Он расцветает, и его зеленые глаза – такие же, как у Коула и Лиамы, – начинают блестеть.

– Привет, милая. – Протянув руку, он гладит меня по голове, так же как в детстве. – С днем рождения.

Я прикусываю язык, не желая напоминать, что день рождения у меня только через три дня.

– Спасибо.

Я не знаю, что значит выражение на его лице.

– Не могу поверить, что тебе восемнадцать. Кажется, только вчера мы привезли тебя из роддома. – Уголки его губ приподнимаются в подобии улыбки. – Твоя мама... – Папа тяжело сглатывает, не закончив предложение.

Мама всегда хотела девочку.

Ей пришлось родить троих мальчишек, прежде чем ее мечта осуществилась, и, когда это случилось... она чуть не умерла от потери крови во время родов.

К счастью, все обошлось.

И, *к сожалению*, я успела провести с ней всего восемь лет.

На его лице столько боли, что мне становится тяжело дышать.

– Боже, ты так на нее похожа.

Я замираю. Коул бледнеет. У Джейса начинают ходить желваки.

До того, как влюбиться и уехать жить в Америку вместе с нашим отцом, мама была невероятно красивой и талантливой актрисой в Болливуде. Ее идеальная загорелая кожа, большие и глубокие карие глаза, выраженные скулы, немного приподнятый нос, длинные темные волосы, полные губы и сияющая улыбка делали ее совершенством.

Я считаю, что мне повезло унаследовать ее внешность, и, будьте уверены, я использую ее себе на пользу.

Красивым девочкам живется легче.

И, несмотря на то, что сделала моя мама... я знаю, она хотела для меня только лучшего. И чтобы я была умнее и сильнее, чем она. И поэтому – как мне кажется – она заставила меня пообещать, что я никогда не влюблюсь.

Никогда не позволю мужчине украсть свое сердце, потому что в конце концов он разобьет его и уничтожит меня.

Мужчины токсичны, и они не приносят ничего, кроме вреда. Но можно использовать их во время того, как они пользуются тобой, и высосать из них все, что только возможно, пока не стало слишком поздно.

Прочистив горло, папа достает из кармана пиджака коробочку для украшений.

– У меня есть кое-что для тебя.

Я стараюсь скрыть свое раздражение, принимая коробочку из его рук. За все эти годы он уже подарил мне кучу золота и бриллиантов. Я не хочу еще.

Собираюсь открыть коробочку, но он меня останавливает.

– Подожди. – Он оглядывает всех вокруг. – Давай прогуляемся немного.

Я смотрю на Джейса, когда мы идем в сторону ворот.

– Что происходит?

Он пожимает плечами, вид у него такой же непонимающий, как и у меня.

– Понятия не имею.

Мы уже практически снаружи, когда отец говорит мне:

– Теперь можешь открыть.

Не теряя ни секунды, я заглядываю в коробочку. Страх пробегается по моему позвоночнику, когда я прикасаюсь к черному брелку с логотипом «Мерседес».

Пожалуйста, скажите мне, что это неправда.

Естественно, на подъездной дорожке припаркован розовый мерседес. На меня внезапно накатывает паника, и я цепляюсь за свой кулон. Он знает, что я не умею водить. Знает, что я *никогда* не стану этого делать.

Я не могу... я не хочу...

Не хочу умереть, как она.

– Что с тобой, черт возьми, такое?

На лицах гостей читается непонимание... на всех, кроме лиц Джейса и Коула, поскольку хотя бы в этот раз они понимают.

Розовый мерседес.

Как у мамы.

В животе все сжимается, когда я слышу в голове звук сминающегося металла. Новая волна паники хватает меня за горло, колени начинают дрожать. *Я умру.*

– Я не... – начинает отец, но Джейс перебивает его.

– Бьянка не водит машину.

– Я знаю, Джейс. Но я подумал, что ей пора научиться. Я нашел первоклассного инструктора по вождению...

Я бросаю в него ключи.

– Забирай. Они мне не нужны.

Я оборачиваюсь на Хейли.

– Пошли. Сейчас же.

Слезы начинают щипать глаза, пока я направляюсь к белой машине с ней и Заком.

– Бьянка, стой! – кричит Джейс. – Не позволяй ему испортить твой день.

Дело не только в нем. Дело во всех. *Во всем.*

– Ну же, Бьянка, – присоединяется Коул. – Не уходи.

– Вернись, юная леди, – говорит отец. – Я не разрешал тебе уходить.

То есть он захотел сыграть в отца именно сейчас.

– Я тоже, – рычит Джейс.

Подняв в воздух средний палец, я пинаю розовую грудку металла на парковке, прежде чем сесть в машину Хейли.

– Мне восемнадцать, забыли?

Мама снова оказалась права.

Ты можешь прожить жизнь и быть самой прекрасной девушкой на земле... но чувствовать себя так, словно никто тебя не замечает. Люди видят только то, что хотят.

И никто не хочет увидеть меня.

Пошли они.

Пошло оно все.

Глава седьмая

Бьянка

В итоге я опоздала на пару и пропустила тест по статистике.

К счастью, профессор позволил мне остаться после занятия, чтобы написать его, но я уверена, что все равно его завалила.

«Если ты не помнишь ничего о своем прошлом, откуда ты знаешь, какой ты была и что тебя сделало такой?»

Слова Оукли звучат у меня в голове, пока я сдаю работу. Я думала, что собрала достаточно кусочков, чтобы понять, кем я была, но, оказывается... я ошибалась.

Сделав глубокий вдох, я вспоминаю, что нового узнала о себе прошлой ночью.

Самое удивительное? Я была *девственницей*. А значит, мой первый секс со Стоуном был первым в принципе. Наверное, я должна радоваться этому, ведь он – мой будущий муж, но я не могу избавиться от этого странного чувства.

Я хотела бы, чтобы все было по-особенному.

Я не говорю, что все прошло плохо, но до того, как это случилось, я думала, что все в порядке, поскольку прошлая я, наверное, занималась сексом кучу раз. Оказалось, это было важно. Так же, как то, что я странным образом была помешана на Оукли и, очевидно, увела его девушку.

Обеих.

Сердце сжимается.

Учитывая то, что Хейли погибла... ему, должно быть, больно.

Я не знаю, почему была с ним в ночь аварии – потому что, судя по последнему воспоминанию, он не хотел иметь со мной ничего общего, – но очень хочу узнать.

– Ты в порядке? – спрашивает Стоун.

Я вздрагиваю, когда поднимаю глаза. Я настолько погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, как он ждет меня у кабинета.

– Да. – Я выдавливаю из себя улыбку. – Все нормально.

Он озабоченно смотрит на меня.

– Ты уве...

– На самом деле, – перебиваю я, потому что ненавижу скрывать что-то от него, – не совсем. Сегодня ко мне вернулось еще одно воспоминание.

Взяв меня под локоть, Стоун ведет нас во двор.

– Что случилось?

– Ну, – начинаю я, – это был мой день рождения. – У меня внутри плещется странное чувство, ведь разговаривать со своим женихом о предыдущих партнерах немного неловко. – Если коротко, Морган сделала мне куни, и нас застукал Оукли... – Внезапно я понимаю, что он может не знать, кто это. – Оукли – это...

– Я знаю, кто такой Оукли, – выплевывает Стоун. – И еще я знаю, что теперь этот придурок работает на территории.

Я непонимающе моргаю.

– Откуда...

– Я случайно встретился с Коулом утром, и он мне все рассказал.

Черт.

– Оу.

– Я злюсь, потому что ты ничего мне не сказала.

– Ты был очень занят в последнее время.

Я не скрывала это специально, у меня просто не было возможности рассказать ему все из-за его дурацкого расписания.

– Я понял. – Он обхватывает мое лицо ладонями. – Но, если он снова станет тебя доставать, скажи мне...

– Он не доставал меня, – резко отвечаю я, прежде чем успеваю себя остановить. – Я понимаю, почему ты беспокоишься, но все было не так. Он...

Не так плохо, как все говорят.

По крайней мере, вчера он не создал такое впечатление.

– Что он? – давит на меня Стоун.

– Он просто сидел на лавке, и я подошла к нему. Не наоборот.

Глаза Стоуна темнеют.

– В смысле ты подошла? Теперь ты болтаешь с какими-то парнями за моей спиной?

Господи. Конечно, Стоун так подумал.

Он тот еще ревнивец.

– Нет, – защищаюсь я. – Рядом с ним было свободное место, когда я пошла пообедать на озеро, и я спросила, могу ли присесть с ним.

Я не понимаю, что значит выражение на его лице, но он явно недоволен.

– Если все было так, как ты говоришь, я не хочу, чтобы ты продолжала обедать одна.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Ты же шутишь, да?

Мне девятнадцать. Я вполне могу позаботиться о себе, а значит, в состоянии сама выбирать, с кем мне ходить на обед.

Он показывает на свое лицо.

– Похоже, что я шучу? – Должно быть, Стоун почувствовал мое раздражение, потому что его голос становится мягче. – Я не хочу вести себя как мудака, Бьянка, но поставь себя на мое место. Этот парень не просто убил невинную девушку, он чуть не убил *тебя*, и ты ждешь, что я не буду волноваться о твоей безопасности?

Я понимаю, о чем он, но решаю зацепиться за другие его слова.

– Ты знал, что Оукли был за рулем той машины, когда случилась авария?

Он обессиленно проводит рукой по волосам.

– Да, часа два как узнал.

Оу.

– Коул сказал тебе?

Стоун кивает.

– Жаль, что твои братья не рассказали мне раньше, но я понимаю, почему они скрывали это от тебя. – Ярость искажает его лицо. – Для тебя было намного лучше не помнить об этом куске дерьма.

Смесь злости и раздражения пробегает по моему телу.

– Давай-ка уточним. Ты считаешь, что это нормально – скрывать от меня такую информацию?

Потому что я так не думаю.

Стоун тяжело вздыхает.

– Да... наверное. Я не знаю, Борн. – Он пожимает плечами. – Думаю, им было тяжело, и они сделали то, что показалось им правильным, понимаешь?

Наверное, но мне все равно это не нравится.

– Ты расстроена, но попробуй мыслить позитивно. – Поднеся мою руку к своим губам, он целует местечко над моим обручальным кольцом. – Если бы не все это дерьмо... мы бы, возможно, никогда не нашли друг друга. – Взяв меня за подбородок, он дарит мне нежный поцелуй. – Но это случилось.

Телефон начинает звонить, однако я не достаю его, потому что язык Стоуна проскальзывает через мои приоткрытые губы.

Наши тела прижимаются друг к другу, и я наслаждаюсь каждой секундой этого поцелуя. В последний раз мы проводили время наедине очень давно, и я скучаю по этим мгновениям.

Стоун нежно посмеивается мне в губы, когда телефон снова начинает звонить.

– Ответишь?

Прошлое...

– Ответишь? – спрашивает Хейли, потому что мой телефон, кажется, звонит уже в миллионный раз за последние четыре часа.

Яжимаю кнопку, пока имя Джейса не исчезает с почерневшего экрана.

– Нет.

Мы сидим на капоте ее машины, глядя на туристическую тропу в каком-то лесу. Я никогда раньше здесь не была, но Зак сказал, что это хорошее место, чтобы расслабиться и выпить. Не то чтобы я когда-либо напивалась. Я потеряла не только маму в той аварии, но и почку. Так что предпочитаю не увлекаться алкоголем.

Зак, стоящий напротив нас, затягивается косяком.

– Я все еще не понимаю, в чем проблема. Это классная машина. Я бы расцеловал своего отца задницу, если бы он купил мне мерседес.

Я знаю его всего несколько часов, но уже ненавижу.

Он меня бесит.

– Ее мама погибла в аварии, когда она была ребенком, – рассказывает ему Хейли, словно это что-то объясняет.

Не объясняет. Ни капли.

Сочувственно кивнув, Зак сжимает мою коленку. К счастью, у Хейли в багажнике была джинсовая мини-юбка и лишняя пара вьетнамок, так что мне не пришлось ходить в одном купальнике.

Я бросаю злой взгляд на ладонь, все еще сжимающую мою коленку.

– Тебе рука надоела?

Он не выглядит ни капли смущенным.

– Да ладно. Не будь скромницей, красотка. Хейли уже рассказала мне, в чем был уговор.

Его рука начинает медленно двигаться по внутренней стороне моего бедра. Скрестив ноги, я не позволяю ему убрать ее.

– Поделишься?

Усмехнувшись, Зак говорит:

– Вы хотели поразвлечься и...

– Зак?

– Да?

– Мне нужно, чтобы ты заткнулся и использовал свой рот для чего-то более продуктивного. – Я беру бутылку виски у Хейли из рук. – Сейчас.

Его глаза загораются.

– Раздвинь ножки, крошка.

– Не угадал. – Я смотрю на Хейли. – Лучше отлижи ей... а я буду смотреть.

Зак не такой тупой, как выглядит, потому что не начинает спорить. Устроившись поудобнее, Хейли снимает с себя трусики.

– Наконец-то.

Я наблюдаю за тем, как голова Зака исчезает у нее между ног. Он очень хочет сделать все хорошо, но, судя по лицу Хейли, получается у него не очень.

Был один парень – по-моему, его звали ДеШон, – который довел ее до оргазма за три минуты. Это было настолько впечатляюще, что я разрешила ему продемонстрировать свои оральные навыки на мне. Оно того стоило. Но это был единственный раз, когда я позволила одному из наших парней прикоснуться ко *мне*. Обычно я просто смотрю, как они трахают Хейли.

Но сегодня я не в настроении.

Я бросаю взгляд на полупустую бутылку Джека в руке. Я никогда раньше не напивалась, но, учитывая сегодняшние события, кажется, самое время попробовать.

– Вот так, да. – Хейли разочарованно стонет. – Нет. Левее.

Я сдерживаю смехок.

– Может быть, ему нужна мотивация.

– *Другое* лево, – хнычет Хейли.

Черт. На это больно смотреть.

– Заставь ее кончить, как хороший мальчик, и я покажу тебе свою киску. – Подмигнув, я смотрю на Хейли. – И дам ей поцеловать ее.

Кажется, это помогает, потому что Зак со всем энтузиазмом включается в процесс. Несколько минут спустя Хейли начинает кричать и дрожать так сильно, что машина вибрирует.

Затуманенный взгляд Зака перемещается на меня.

– Твоя очередь.

Я начинаю разводить ноги, но замираю.

– У тебя стоит?

Он хватается за свою ничем не примечательную эрекцию.

– Еще как.

– Покажи.

Зак расстегивает ширинку, обнажая длинный и *очень* тонкий член. Я отодвигаю свой купальник в сторону, раздвинув ноги.

– Нравится?

Он облизывает губы.

– Пустишь меня в нее?

– Нет. – Я хватаю Хейли за затылок. – Это не для тебя, – я прикусываю губу, когда она нежно целует мой клитор, – а для нее.

Хейли нравится, когда я заставляю ее почувствовать себя особенной.

Зак, кажется, вот-вот потеряет сознание.

– Черт, это так сексуально. Можно мне?

Я быстро поправляю купальник и отталкиваю Хейли. *Шоу закончилось*.

– Не в этой жизни.

Он выглядит оскорбленным.

– Почему ты ведешь себя как сраная стерва?

– Потому что у меня есть кое-что под названием стандарты. – Я делаю глоток из бутылки и начинаю кашлять, потому что горло обжигает. – А теперь трахни мою подругу, пока мы не уехали и не оставили тебя с твоим тоненьким членом в этом лесу.

У него отвисает челюсть.

– Что с тобой, блин, не так?

– Прямо сейчас? *Ты*. Так что делай, что я говорю... или вали домой. – Я делаю еще один глоток, и он обжигает так же, как первый. – Выбирай, придурок.

Он стоит со спущенными до лодыжек штанами и смотрит на нас.

– Вы ненормальные.

Может быть, это и правда, но, по крайней мере, я не такая тупая, как он.

– Перед тобой сидит сексуальная девчонка, которая ждет, пока ты трахнешь ее своим жалким членом, а ты называешь меня ненормальной. – Я смотрю на Хейли. – Позвони кому-нибудь еще. Этот неудачник не заслуживает того, что мы предлагаем.

Хейли начинает вставать, но Зак подходит ближе.

– Нет. – Одним движением он раздвигает ее ноги и толкается внутрь. – Я покажу тебе жалкий член, чертова сука.

Я, ухмыляясь, делаю еще глоток. В этот раз жидкость легче проскальзывает в горло.

– Это все? Охренеть как грустно, парень.

Он чертыхается, толчки становятся быстрее.

– Не за что, – бесшумно говорю я Хейли, но она слишком занята, наслаждаясь тем, что ее насаживают так, как хотелось бы мне.

Если бы я позволила кому-то трахнуть меня.

К сожалению, моя киска такая же привередливая, как и я сама, так что просто «кто-то» не подойдет. Поэтому я позволяю Хейли делать за меня всю грязную работу. Она веселится, а я радуюсь тому, что она больше не невинный ангел Оукли.

Достав телефон, я быстро фотографирую их для папки с компроматом. Вздыхаю и делаю еще один глоток.

– Тебе придется постараться, Заки.

Он трахает ее так активно, что машина начинает качаться. Очевидно, он знает, как пользоваться своим членом. *Молодец.*

С легкой головой я оставляю их.

– Мне нужно пописать.

Никто из них не говорит ни слова, когда я ухожу.

Освещая путь телефонным фонариком, я ищу подходящее место и нахожу его возле дерева. Сделав свои дела и обработав руки антисептиком, я собираюсь вернуться к машине. Но не могу... потому что вокруг одни деревья. Я понятия не имею, где нахожусь и как отсюда выйти.

Не проблема. Позвоню Хейли.

Я набираю ее номер и подношу телефон к уху, но меня отправляет на голосовую почту. Я присаживаюсь на ближайшее бревно, чтобы подумать, но в этом нет смысла. В голове стоит гул, и все вокруг движется, словно в замедленной съемке.

– Кажется, мы остались вдвоем, подружка, – говорю я бутылке, прежде чем сделать большой глоток.

Я смотрю вокруг. Тут не страшно. На самом деле, даже приятно. Черт, если бы у меня был с собой спальный мешок, я бы осталась тут на ночь. Я снова тяну руку к бутылке, стоящей на земле, но она... покрыта чешуей.

Я кричу во все горло, когда вижу, что вокруг нее обвилась маленькая черная змея. Убегаю прочь со всех ног. Но получается не очень быстро, потому что, черт, *все* кружится.

И... это что, обрыв?

Готова поспорить, что, если бы я встала на самый край... моя смерть была бы спокойной. В отличие от смерти мамы и Лиама.

Я смотрю вниз на острые камни, о которые разбилось бы мое тело. Даже дна не видно. *Кажется, не такой уж и спокойной.*

Но, может быть, этого я и заслуживаю?

Джейс и Коул счастливы. У них есть Дилан и Соьер, которые о них позаботятся. Сомневаюсь, что они вообще будут по мне скучать.

Не так, как я скучаю по ним.

– Вы обещали! – кричу я в небо, пока слезы катятся по моим щекам.

Лиам поклялся, что никогда меня не бросит. Мама говорила, что возьмет меня в Индию, чтобы отпраздновать мой восемнадцатый день рождения...

Но вот она я... одна.

– Они нарушили обещания.

– Что? – Голос, очень похожий на Оукли, кричит мне в ухо. – Кто? О чем ты говоришь, черт возьми?

Я в смятении смотрю на телефон, потому что не помню, когда позвонила ему.

– Они... я... – Я едва могу говорить связно. – Мне больно. – Я чувствую соленые слезы на губах. – Я больше не могу, Оукли.

– Где ты?

– Стою на краю обрыва.

Думая о том, где окажусь: в аду или в раю. Смогу ли я снова увидеть их.

– Господи, – восклицает Оукли. – Какого обрыва? Где?

Забавно, что он притворяется, будто ему не все равно, хотя мы оба знаем, что это ложь.

– Я не знаю.

Это правда. Зак выбирал место.

– Клянусь, если ты не скажешь мне, где ты...

– Я не уверена. Где-то рядом с лесом. По-моему, я проходила что-то вроде водопада. Но вокруг моей бутылки обвилась змея, и я убежала. – На меня накатывает тошнота. – А теперь отвали и дай мне найти мою бутылку со змеей, чертов придурок.

– Да, ты точно напилась.

– Не рассказывай моим братьям.

Они и так слишком меня опекают, а если узнают об этом, то запретят мне общаться с Хейли. А мне нужно продолжать собирать компромат на нее.

– Я, кажется, знаю, где ты, но тебе придется кое-что для меня сделать.

– Что?

Я сделаю для него все что угодно. Абсолютно все.

– Отойди от этого сраного обрыва.

– Почему?

Мне нужно знать, что ему не все равно. Или... почему *стало* все равно.

– Ты же не глупая. Знаешь почему, Бьянка.

Он целую вечность не называл меня по имени. Обычно Оукли использует слова «дьявол» или «Сатана». Раньше он называл меня малышкой. *Как мама.*

– Ты назвал меня Бьянкой.

У него вырывается раздраженный рык.

– Я еду. Сделай одолжение и отойди от обрыва, пока ничего не случилось, и Джейс и Коул меня не убили.

Оукли бросает трубку.

Я достаю из сумки маленькую бутылку рома «Малибу», которую мне дала Хейли. Это не «Джек Дэниэлс», но он поможет мне приглушить боль.

Надеюсь.

* * *

– Твою мать.

– Знаю, – шепчет Стоун мне в губы. – Мне нравится целовать тебя.

Я тоже люблю целоваться с ним, но сейчас не об этом.

Не могу поверить, что стояла ночью на краю обрыва, пьяная. И из всех людей, которым я могла бы позвонить в таком состоянии... Я выбрала *его*.

Наверное, это что-то значит, да?

– Когда у тебя следующая пара?

Стоун смотрит на часы.

– Через пятнадцать минут. – Приблизившись, он шепчет: – Если хочешь пойти в общезитие, я могу все сделать быстро.

Боже. Я точно худшая невеста в мире, поскольку отшиваю его.

– Давай в другой раз? – Я показываю ему телефон. – Мне нужно встретиться с Сойер и обсудить с ней свадьбу.

Сойер действительно звонила, но она может подождать. Особенно когда я знаю, что она просто будет очень долго извиняться за то, что соврала мне.

– Ладно. – Вздохнув, он быстро целует меня в губы. – Но только если ты сегодня ночуешь у меня.

– Договорились.

После этого я убегаю.

На поиски парня, который может ответить на мои вопросы.

Глава восьмая

Оукли

О ребятах из колледжа я узнал одну занятную вещь.

Они оставляют после себя *очень* много мусора. В каждом кабинете. Обертки. Банки из-под газировки. Бутылки из-под воды. Упаковки от чипсов.

Недокуренный косяк.

Жажда просыпается во мне мгновенно, когда я подношу его к носу и вдыхаю. Очень хорошая трава.

Вот же дерьмо.

И в то же мгновение... перед глазами всплывает образ Хейли.

Медицинская марихуана, чтобы избавиться от приступов, это одно... но этот косяк точно заставит меня снова провалиться в беспамятство.

Еще раз вдохнув аромат, я засовываю косяк в мусорный мешок. Кажется, эта трава оказалась лучше, чем я думал, потому что, когда я оборачиваюсь...

Я вижу ее.

Ее длинные темные волосы собраны в хвост, она одета в обычную белую футболку и брюки карго – старая Бьянка скорее умерла бы, чем вышла в таком виде из дома, – но она все еще выглядит потрясающе.

Взяв веник, я концентрирую свое внимание на уборке.

– Закончу через минуту.

Она делает шаг вперед.

– Я думала, мы можем поговорить.

Я даю ей единственный возможный ответ.

Единственный, который должен ей дать.

– Нет.

Глава девятая

Бьянка

Нет.

Не «может быть, позже». Или «мне нужно посмотреть, когда у меня будет минутка». Просто *нет*.

И после этого у него хватает наглости промчаться мимо меня, словно я не существую. Да к черту все.

Отказываясь принимать его «нет», я иду за ним в следующий кабинет.

– Не хочу ничего сказать, но тебе не кажется, что ты мне задолжал? В конце концов, это ты был за рулем, когда мы попали в аварию.

Я не хочу быть стервой, но он не оставляет мне выбора. Оукли замирает с веником в руках.

– Я не хотел, чтобы с тобой что-то случилось.

Он говорит так искренне и с таким сожалением, что мое сердце сжимается.

– Я не пытаюсь заставить тебя чувствовать себя виноватым, – честно говорю ему я, ведь что-то мне подсказывает, что он и сам с этим отлично справляется. – Мне просто нужны ответы.

Оукли наконец оборачивается.

– Какие?

Я развожу руки в стороны.

– Не знаю... все. – Поняв, что мне нужно уточнить, о чем идет речь, я добавляю: – Почему мы были в машине вместе? Куда мы ехали?

В его глазах столько печали, что я чувствую боль где-то в груди. Опустив голову, он продолжает подметать.

– Неважно.

Черта с два.

– Послушай, – пробую я, – знаю, что мои братья могут быть устрашающими...

Оукли невесело смеется.

– Я не боюсь твоих братьев.

Если так, то он один такой во всем Роял-Мэноре. А еще я ничего не понимаю.

– Тогда почему ты не можешь сказать...

– Потому что это неважно, – выплевывает он. – У тебя теперь новая жизнь. – Он показывает на дверь. – Хватит болтать со мной, иди и проживай ее.

В его голосе слышится боль, но я не понимаю почему. Однако мне ясно, что он не собирается ничего рассказывать. Значит, я должна сменить тактику.

– Ладно. Ты не хочешь рассказывать мне о прошлом. Может быть, просто... проведем время вместе?

Надеюсь, это сможет вызвать еще одно воспоминание, учитывая то, что за последние два часа ко мне вернулись целых два.

Оукли смотрит так, словно увидел призрака.

– Нет.

Господи. Как будто это его любимое слово.

Я не собираюсь так легко сдаваться, поэтому предпринимаю еще одну попытку.

– Хорошо, если я расскажу тебе о воспоминаниях, которые ко мне вернулись, ты объяснишь мне кое-что?

Он продолжает подметать.

– Уверен, это могут сделать твои братья.

У меня опускаются руки, и я едва сдерживаюсь, чтобы не начать рвать на себе волосы.

– Пожалуйста, – умоляю я его, хоть мне и грустно от того, что вообще приходится это делать. – Я больше не доверяю Джейсу и Коулу после того, как они мне солгали...

– Твои братья тебя любят, – быстро встает он на их защиту.

Что ж.

Это неожиданно. Особенно после того, как они вели себя с ним вчера.

– А я люблю их, – виновато говорю я. – Но если ты знаешь их – а это, черт возьми, очевидно, – ты знаешь и то, что они бывают очень упрямыми. И не расскажут мне ничего, если не захотят.

К тому же они вряд ли что-то знают. Судя по ночному воспоминанию, я многое от них скрывала.

Чувство вины возвращается.

Я скрывала от них много важных вещей.

Когда становится ясно, что Оукли все еще не собирается со мной разговаривать, я иду с козырей:

– Я стояла на краю обрыва... жутко пьяная. Но позвонила *тебе*... а не им. – Я обессиленно пожимаю плечами. – Значит, ты, вероятно, единственный человек на планете, который может помочь мне вернуть воспоминания.

Вздыхнув, он проводит рукой по волосам.

– Прости, что из-за меня ты оказалась в коме и потеряла память, я никогда не прощу себе этого. – Я вижу грусть в его глазах. – Но я не могу тебе с этим помочь, малышка. Поверь.

Дело не в самих словах... а в том, насколько разбитым он выглядит, и это заставляет меня отступить. По какой-то непонятной мне причине ему очень тяжело говорить о прошлом.

– Ладно, – шепчу я.

Нельзя заставлять кого-то говорить, если они того не хотят.

Я иду к двери, но замираю.

– Прости, что спала с Морган за твоей спиной. Это был очень дерьмовый поступок.

Всего на миг на его лице мелькает веселье, но так же быстро исчезает.

– Тебе не за что извиняться.

– Неправда. – Все внутри сжимается от стыда. – Я *очень* плохо поступила с Хейли. – Я смотрю ему в глаза. – Знаю, ты хорошо к ней относился... Прими мои соболезнования.

Глава десятая

Оукли

«Прими мои соблезновения».

Она же в курсе, что это я ее убил, да?

Я открываю рот, чтобы напомнить ей об этом, но она уже ушла. Тоже неплохо.

Взяв веник, я бормочу ругательства.

Она так потеряна, что мне хочется побежать за ней и рассказать ей все. Но я не могу. Слова Джейса звучат в моей голове.

«Последнее, что ей нужно, это чтобы ты снова разрушил ее жизнь».

Несмотря на боль в сердце при мысли о том, что она выходит замуж за Стоуна, и от сильных чувств, которые испытываю к ней, я всегда буду заботиться о ней.

Я хочу для Бьянки только самого лучшего.

Даже если это означает, что теперь мне следует всегда держаться от нее подальше.

Прошлое...

– Можно я уйду пораньше?

Мой начальник, Кобра, оглядывает полупустой бар и пожимает плечами.

– Налей мне стакан «Хеннеси» и можешь идти.

Я никогда не думал о том, чтобы работать барменом в «Безымянном», но у меня не осталось выбора, когда начали появляться все эти вопросы.

«Чем ты зарабатываешь на жизнь?»

«Почему не идешь в колледж?»

«Как ты собираешься содержать себя?»

Я хорошо зарабатываю, работая на Локи, но, учитывая, что я пообещал Дилан и друзьям завязать с этим после того, что случилось с Сойер, мне пришлось найти работу для прикрытия.

Кобра не хотел брать меня, поскольку двадцать один мне исполнится только через месяц, но мои поддельные документы и то, что официально я там не устроен, позволило нам наладить взаимовыгодное сотрудничество.

«Безымянного» не назовешь приличным заведением. Скорее *наоборот*. Это та еще дыра, но она отлично справляется со своими функциями.

Налив Кобре стакан, я иду на выход.

Я не должен так торопиться, чтобы спасти эту злобную принцессу – особенно после того, как узнал, что она спала с Морган за моей спиной, – но она младшая сестра Джейса и Коула. Количество трагедий в их семье и так уже тянет на пьесу Шекспира, так что они точно не нуждаются в еще одной.

Я нажимаю несколько кнопок на мониторе, прежде чем выехать с парковки. Мгновение спустя голос Хейли раздается в машине.

– Приветтики.

Я не могу доверять ни Бьянке, ни алкоголю в ее организме, когда мне нужно узнать, каким образом она оказалась пьяная в лесу посреди ночи, так что я решаю уточнить этот вопрос у Хейли.

– Вопрос.

Она смеется.

– Ответ.

Я резко поворачиваю налево.

– Как Бьянка потерялась в лесу? Я думал, она с тобой.

Остается только догадываться, как они подружились, учитывая то, насколько они разные – словно ангел и демон, – но они уже довольно давно постоянно проводят время вместе.

Я слышу напряжение в ее голосе.

– Была. Пока не начала вести себя как ненормальная стерва.

Разве это не ее обычное состояние?

Я достаю косяк из подстаканника и прикуриваю.

– Что случилось?

Хейли вздыхает.

– Я бы рассказала, но не хочу, чтобы это сказалось на наших с тобой взаимоотношениях.

– Хейли, ты можешь рассказать мне что угодно. Ты же знаешь. – Я выезжаю на шоссе. – Никакого осуждения.

И так было всегда. Может, мы и расстались, но я по-прежнему готов ради нее на все.

– Я знаю. – Еще один вздох. – Все было нормально, когда мы приехали, но потом я пошла в туалет. А когда вернулась, увидела, как они с Заком целуются.

Да уж.

– Черт, мне жаль.

Не могу сказать, что меня это сильно удивляет. Парень походит на любителя покурить травку. К тому же все видели, как он начал разглядывать Бьянку, едва появившись на заднем дворе Ковингтонов.

– Все в порядке, – говорит она. – В общем, мы поругались, и она ушла в лес. Я пыталась позвонить ей, чтобы убедиться, что все нормально, но она не берет трубку.

Очень похоже на Бьянку. *Упрямая мелочь.*

– Теперь это не твоя забота. Я еду в Долину Водопадов.

Хейли колеблется, прежде чем ответить.

– В Долину Водопадов? Зачем? Мы в лесу Роял-Мэнора.

– Ты уверена?

Бьянка сказала, что проходила мимо водопада, и их нет в лесу Роял-Мэнора. А вот в Долине Водопадов есть огромный лес, туристическая тропа и парочка обрывов. Что делает ее идеальным местом, чтобы накуриться и расслабиться.

– Абсолютно, малыш, – произносит она преувеличенно уверенным тоном. – Эта идиотка настолько пьяна, что не отличит задницу от пальца. – Она смеется. – Хорошо, что за руль она садиться не собирается, да? Иначе нам всем была бы крышка.

Доверившись своему предчувствию, я сворачиваю в сторону Долины Водопадов.

– Точно... – Меня прерывает входящий звонок.

Морган.

– Прости, но мне пора. Моя де... – Я замолкаю, не закончив предложение.

Эта мелкая сучка больше не моя девушка. Черт, да она никогда ею и не была.

– Морган звонит.

Разочарование в голосе Хейли можно потрогать руками.

– Оу.

Бам, вот оно. Неловкость, которая возникает, когда один из нас говорит о ком-то, с кем спит. Очевидно, у нас всегда будут какие-то чувства друг к другу. К тому же она единственная, кого я называл своей девушкой. И какое-то время – пока Кристалл не использовала меня ради спермы и не разбила мне сердце – я даже думал, будто мы хорошая пара.

Я бы соврал, сказав, что не хочу, чтобы все сложилось по-другому, или что сожалею об измене. Она не заслужила этого. *Никто не заслуживает.*

– Оук? – спрашивает она, пока я не повесил трубку.

– Да?

– Может, сходим пообедаем на неделе? Мы не проводили время вместе целую вечность, я скучаю.

Я достаточно умен, чтобы понимать: обед с бывшей девушкой – это очень *плохая идея*. Но я все еще хочу, чтобы она оставалась в моей жизни как друг.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Скажешь потом, где и когда.

– Супер. Спокойной ночи.

– Удачи.

Я кладу трубку и отвечаю на звонок Морган.

– Привет...

– Удали мой номер, сука.

Она начинает спорить, но я отключаюсь. Мы были просто друзьями с привилегиями, так что мне все равно, что она трахалась с кем-то кроме меня, но это было низко. Так что пусть катится в ад.

К черту их обеих.

Глава одиннадцатая

Бьянка

– Спасибо, – говорю я водителю такси, прежде чем выйти из машины и направиться к дому Стоуна.

Стоун вернется с работы только через час, но у меня есть ключи.

Я так занята, выставляя водителю оценку, оставляя чаевые и в то же время копаясь в сумочке в поисках ключей, что врезаюсь в кого-то на лестнице. Сумочка падает у меня из рук и из нее высыпается все содержимое... но я не обращаю на это внимания, поскольку все, что я могу видеть, – это *он*.

Оукли удивлен моим присутствием не меньше, чем я его.

Я настороженно смотрю на него.

– Что ты здесь делаешь?

Он кивает на большую коробку в своих руках.

– Переезжаю.

Это... интересно.

– Оу.

Я наклоняюсь, чтобы подобрать свои вещи, одновременно с ним. Мы бьемся лбами.

– Черт, – стонет он.

– Дерьмо, – шиплю я, рукой касаясь шишки.

И, прежде чем я успеваю себя остановить, у меня вырывается смешок, потому что жизнь устраивает мне интересные сюрпризы. Серьезно. Какова вероятность, что единственный парень, который может мне помочь, но отказывается это делать, переедет в то же здание, где живет мой жених?

Очевидно, высокая, ведь это на самом деле происходит.

– На каком этаже твоя квартира? – спрашиваю я.

Оукли внимательно рассматривает меня несколько секунд, словно раздумывая, говорить или нет. Наконец, он отвечает:

– На третьем.

Я киваю.

– Я на четвертом. – И потом, поскольку мой рот отказывается заткнуться, я добавляю: – Ну, не я, а мой жених. Но я перееду к нему и его маме после свадьбы.

Оукли становится мрачнее тучи.

– Ясно.

В воздухе витает неловкость.

– Ладно, – говорю я, обходя его. – Удачи с переездом. Если тебе понадобится помощь или ты передумаешь насчет разговора...

– Не передумаю, – обрывает меня он.

Прошлое...

Я болтаю ногами над обрывом, когда телефон начинает звонить. На экране появляется имя Хейли. Злясь, что это она, а не Оукли, я невесело смеюсь, и телефон замолкает. Упс.

На горизонте видно пляж, и по звуку волн, яростно бьющихся о скалы, я понимаю, что океан штормит. Я смотрю вниз в темную бездну.

Интересно, как долго займет падение?

Случится ли у меня сердечный приступ до того, как я встречу с поверхностью? Съедят ли вороны мою плоть, или океан будет добр ко мне и унесет мое тело в воду?

Придвинувшись к краю, я смотрю на вьетнамки, свисающие с моих пальцев, и допиваю ром.

Прекрасный Принц не придет спасти свою Злую Принцессу.

Зная Оукли, он, должно быть, отвлекся на что-то поважнее. Наркотики или очередную шлюху. Но это неважно, ведь алкоголь, плещущийся в моей крови, дарит мне смелость, чтобы привести план в действие.

– Скоро увидимся, Лиам.

Просто для уточнения. Я знаю, о чем вы подумали. *Эта девчонка сумасшедшая, у нее суицидальные наклонности, и ей место в психушке.* Но в этом суждении есть одна крошечная проблема. Я не хочу умирать.

Я просто хочу перестать скучать по ним.

Избавиться от этой боли.

У меня вырывается рваный выдох, когда одна вьетнамка исчезает в темноте. Мгновение спустя за ней следует вторая.

Сейчас или никогда.

Я не могу перестать думать о том, был ли Лиам так же напуган, когда надел петлю себе на шею и прыгнул со стула в гардеробной. Пожалел ли он перед тем, как потерять сознание? Подумал ли о своей семье, прежде чем последний вдох наполнил его легкие? Знал ли, как нам будет больно? Как больно будет мне от того, что он эгоистично вырвал мое сердце, забрав его с собой?

Я начинаю громко и отвратительно всхлипывать. В груди так пусто, что если бы кто-то приложил к ней ухо, то ничего бы не услышал. Лишь отгаликивающуюся от стенок боль.

К счастью, это все скоро закончится.

Сглотнув ком в горле, я наклоняюсь вперед и развожу руки в стороны. Я всегда хотела попробовать прыгнуть с парашютом, так что, если закрыть глаза, можно представить, будто я наконец исполняю свою мечту. Только *без* парашюта.

Голова начинает кружиться, когда я медленно подползаю к краю. Умирать и близко не так больно, как я думала. Не считая момента, когда кто-то резко тянет меня назад за подмышки.

– Твою мать, – рычит Оукли.

Из-под моих бедер сыплется песок и камни, когда он вытягивает мою пьяную задницу обратно на край.

– Я сказал тебе отойти от него! – кричит он, не выпуская меня из своей мертвой хватки.

Удивленная его присутствием, я поднимаю глаза. И вижу не одного Оукли, а целых двух.

Прелесть.

– Я не думала, что ты придешь. Что вы придете.

Выражение его лица подсказывает мне, что ему не до смеха.

– Вставай, – командует он. – Сейчас же.

Ой-ей-ей. А я думала, он знает меня лучше. Никто не смеет мне приказывать.

– Нет. Мне и тут хорошо. – Я хлопаю ладонью по местечку рядом с собой. – Присоединяйся.

У него на лбу проступает вена. Учтывая то, что он обычно такой спокойный, немного забавно наблюдать за тем, насколько я могу его вывести. Но опять-таки я люблю доходить до крайностей.

Оукли резко поднимает меня с земли.

– Это была не просьба.

На нем футболка с логотипом «Безымянного», и я понимаю, что он примчался сюда с работы. Не то чтобы это было важно, но две ночи в неделю в этой дыре просто прикрытие для

его *настоящей* работы. Барыгой у мудака Локи. Он заставил Дилан, Соьер, Коула и Джейса поверить, будто завязал с этим после того, как Соьер попала в больницу, но это вранье. Он просто начал это скрывать. А учитывая то, что теперь все, кроме него, учатся в колледже, у него это с легкостью получается.

– Пошли, – приказывает он мне.

Клянусь, я одновременно хочу и ударить, и трахнуть этого мудака. Я бросаю на него самый игривый взгляд, на который сейчас способна.

– Не могу.

– Почему? – Оукли скрещивает руки на груди. – Ноги сломаны?

– Нет. – Я показываю на свои грязные ноги. – Я не пойду по лесу босиком.

Он раздраженно вздыхает и в ту же секунду отворачивается.

– Вперед.

А я думала, что я тут пьяна.

– Какую часть предложения «я не пойду по лесу босиком» ты не понимаешь?

Оукли разминает плечи, и я не могу не заметить, как соблазнительно движутся его мышцы. Он много занимался с Джейсом и Коулом в последнее время, и это принесло свои плоды.

– Запрыгивай.

Черт. Мне дважды повторять не нужно.

– Я правильно понимаю, что это приглашение запрыгнуть на твой член после? – уточняю я, цепляясь за его спину.

Повернув голову, Оукли бросает на меня убийственный взгляд.

– Еще одно слово, и я сброшу тебя с того обрыва.

Я собираюсь попросить его оказать мне такую услугу, но тогда он точно не разрешит мне добраться до машины на своей спине, так что я молчу. Мы пробираемся через лес, и я не уверена, виноват ли в этом алкоголь или дерьмовая ночь, но я не могу больше терпеть это напряжение между нами.

– Почему ты так меня ненавидишь?

Я злюсь на свой дрожащий голос, но контролировать то, что выходит из моего рта, совсем не получается.

Так же, как и эмоции.

Кажется, что проходит вечность, прежде чем он отвечает.

– Я тебя не ненавижу.

Вранье.

– Не пытайся обмануть обманщика, Оукли.

Он бросает меня на землю так резко, что я едва не отбиваю себе задницу.

– Ладно. Как насчет того, что ты трахалась с...

– Это было *после*, – говорю ему я. – Я начала трахаться с Хейли и Морган *после* того, как ты начал меня ненавидеть. Через много месяцев после того, как мы... ты помнишь. Не *до*. – Я делаю несколько рваных вдохов. – У нас все было хорошо, Оукли. Я могла поговорить...

– Тогда почему? – рычит он. – Почему ты так себя ведешь?

– Я не... – Я шумно сглатываю и начинаю снова, потому что мне никогда не нравилось врать ему. – Ты знаешь почему.

Если я не могу получить его... никто не получит.

Я буду продолжать играть его шлюхами, как моими личными марионетками, пока он наконец не поймет, что вокруг него нет ни одной верной девушки, кроме меня.

– Просто, блин, невероятно. – У него ходят желваки, когда он достает из-за уха косяк и поджигает его. – Поверить не могу.

– Для танго нужны двое, помнишь? И вместо того, чтобы злиться на меня, ты должен злиться на *них* за то, что им так нравится моя киска.

– У меня нет времени на твое дерьмо, – выдыхает он, уходя прочь. – Сама найдешь дорогу домой.

– Знаешь, у этой ситуации есть простое решение. – Я развожу руки в стороны. – Как насчет тройничка?

Это полный бред. Я бы скорее перерезала этим сучкам горло и утопила их в собственной крови, чем стала бы делить его с кем-то. Просто хочу проверить, клюнет ли он.

Снова повернувшись ко мне, Оукли начинает массировать виски.

– Ты просто больная, ты в курсе?

Естественно.

Нельзя изучать психологию с начальной школы в надежде однажды стать специалистом и не поставить себе диагноз. Поверьте, я больная в полном смысле этого слова. Но если ему действительно нужна причина, по которой я так злюсь на него, то вот она.

– Ты смотрел на меня так, будто я грязь на твоих ботинках, а потом выбросил словно мусор! – выкрикиваю я, когда грудь начинает разрываться от боли. – Я пришла в гостевой домик, потому что мне было плохо. – *Я скучала по нему так сильно, что мне было тяжело дышать.* – Я не собиралась соблазнять тебя, придурок. Не обольщайся.

Это правда. Не то чтобы я разозлилась, когда он поцеловал меня – совсем нет, – но я не для этого пришла туда. В любом случае то, что он отверг меня, когда мне было очень больно и я нуждалась в поддержке, обожгло меня, словно адское пламя.

Нахмурившись, Оукли проводит ладонью по волосам.

– Я не хотел обидеть тебя.

Моя грусть быстро сменяется яростью. *Да пошел он со своей жалостью.*

– Заткнись.

– Бьянка...

Слишком поздно. Я бью его по лицу и пинаю ногами со всей силы. Я даже не понимаю, что плачу, пока он не сжимает меня в своих руках.

– Я знаю, это больно, малышка, – шепчет он мне в волосы. – Мне так жаль, что его больше нет.

И в то же мгновение я снова оказываюсь в маминой машине, до боли сжимая руку Лиамы. Только это не Лиам.

Это Оукли.

Но никакая жалость не вернет мне маму и брата. И никакие соболезнования не смогут избавить меня от правды, которую я должна скрывать.

Я хватаюсь за воротник его футболки, вдыхая его запах. Марихуана и цитрусовое мыло. Я закрываю глаза, когда он сильнее прижимает меня к себе. Словно я единственное, что имеет значение. Его прикосновения не должны быть такими приятными, но они похожи на броню. Будто теперь никто не сможет ранить меня, пока я с ним.

Это заставляет меня почувствовать себя спокойнее, чем когда-либо.

– Я...

Я так хочу рассказать ему. Рассказать то, что не говорила никому и никогда. Вещи, которые сделали меня той, кто я есть сейчас... но я не могу.

Вместо этого я прижимаюсь своими губами к его.

– Черт возьми, – рычит он, отскакивая от меня. – *Нет.*

– Почему? – кричу я. – Почему тот факт, что ты меня хочешь, так пугает тебя?

Все хотят меня... но Оукли единственный, кто не признает этого.

Его взгляд способен убить.

– Меня пугает только то, насколько ты жалкая.

И он уходит.

Щеки вспыхивают от унижения, пока я бегу за ним, а ветки впиваются в мои босые ноги.

– У меня, блин, нет обуви, *скотина*.

– Не моя чертова проблема, *Люцифер*.

Я не знаю, почему он настолько выводит меня из себя, но я безумно устала от этого, и мне буквально хочется вопить во все горло. Однако я не доставлю ему такого удовольствия. Вместо этого я выпрямляю спину и молча иду через лес. Несмотря на то, что камни и палки вонзаются мне в ноги.

Оукли меня хочет. Он может отказываться это признавать, но я чувствую.

И это был последний раз, когда я веду себя хорошо и делаю первый шаг.

К тому моменту, как я с ним закончу, этот ублюдок будет так ослеплен мной, что не сможет видеть ничего вокруг. Он будет на коленях умолять меня дать ему попробовать меня на вкус. И тогда я пошлю *его* и плюну ему в лицо... Это будет сладкая победа.

Когда я добираюсь до его БМВ, он уже заводит двигатель. Забравшись внутрь, я хочу стереть эту усмешку с его прекрасного лица.

– Хорошо прогулялась, принцесса?

Я усмехаюсь ему в ответ.

– Потрясающе.

На крошечное мгновение в его глазах мелькает неуверенность, а затем он выезжает с парковки.

– Не могу поверить, что Хейли уехала, даже не позвонив. – Пожав плечами, я разглядываю свои ногти. – Хотя в последний раз, когда мы виделись, они с Заком – ее новым парнем – так дико трахались на капоте, что там, наверное, остались вмятины, поэтому я едва ли могу ее винить.

Рука, сжимающая руль, напрягается, а после Оукли включает музыку.

Пристегнись, малыш.

Это только начало.

Глава двенадцатая

Оукли

Твою мать, твою мать, твою мать.

Моя новая квартира находится в опасной зоне, и мне это чертовски не нравится, но я ничего не могу с этим сделать.

– Все в порядке? – спрашивает отец, поднявшись по лестнице.

– Да... нет. – Я отдаю ему коробку, чтобы он отнес ее в машину. – Это не мои вещи.

Учитывая то, что в коробке лежит куча туфель, она может принадлежать только одному человеку.

Кристалл.

Заглянув внутрь, он бормочет ругательства.

– Кристалл попросила отвезти кое-какие вещи в ее новую квартиру. Я, наверное, перепутал коробки.

– Ничего.

Отец тяжело вздыхает.

– Тебе нужно еще что-нибудь, пока я не уехал?

Он уже купил мне матрас и телевизор. Не говоря о том, что заплатил за первый месяц и дает мне ездить на своем мотоцикле. А значит, папа сделал более чем достаточно.

– Нет. Все нормально.

Он кивает.

– Я позвоню тебе завтра после работы. Поспи.

– Пап, – окликаю я его, когда он начинает уходить.

– Да?

– Спасибо, что спас мою задницу.

Отец улыбается, словно это мелочи.

– Любой родитель поступил бы так же. – Он снова отворачивается, но резко замирает. – Главное, не забудь притащить эту спасенную задницу на встречу сегодня.

– Конечно, – говорю ему я, пока он спускается по лестнице.

Я уже собираюсь внутрь, но замечаю книгу на полу. Все тело напрягается, когда я вижу название.

Слоны на кислоте.

Прошлое...

Сатана всю дорогу не открывает свой злобный рот, что мне очень даже нравится. Почему я вообще позволяю этой девчонке задеть меня, остается загадкой, но сегодня был последний раз, когда я хоть что-то сделал ради нее.

Кожу начинает покалывать от раздражения, и я открываю окно, поджигая косяк.

– Вали отсюда.

Мне еще нужно поработать с товаром сегодня, так что, чем быстрее она уйдет, тем лучше. Я жду, что Бьянка начнет возмущаться, но вместо этого она забирает косяк из моих пальцев и подносит его к губам. Я собираюсь вырвать его у нее из рук, но ее следующие слова заставляют меня замереть.

– Я никогда раньше не напивалась. – Между ее бровей образуется морщинка. – И никогда не курила траву. – Бьянка осторожно затягивается. И начинает задыхаться от кашля в следующую же секунду. – Черт.

Я не могу сдерживать смех.

– Все кашляют первые пару раз.

Понятия не имею, что значит выражение ее лица. Иногда она выглядит так, словно вся тяжесть мира лежит на ее плечах. Я этого не понимаю. Она богатая, красивая, умная – *опасно* умная – и может получить все что угодно. И *кого* угодно. Но порой эта девчонка выглядит такой потерянной, будто внутри нее плещется океан боли...

У меня перехватывает от этого дыхание. Однако я не собираюсь подходить к ней слишком близко. У ее братьев есть свои проблемы, так же как и у меня, но мы все еще сохраняем остатки человечности.

В отличие от Бьянки.

Эта девчонка – черная вдова, заманивающая ничего не подозревающих жертв в свои сети. И как только она тебя поймает... то уничтожит и тебя, и твою жизнь, а после выбросит ошметки, которые остались.

Душа черна как звездный небосклон.

Губы алые как врагов огонь.

Я напоминаю себе записать эти строчки позже.

– Мне нужно ехать, – говорю я в надежде, что она поймет намек.

Когда Бьянка затягивается во второй раз, ее лицо напрягается, словно она изо всех сил старается не закашлять. *Черт возьми.* Эта девчонка до смерти упряма.

Она самодовольно улыбается, протягивая мне косяк, но я не двигаюсь.

– Оставь себе.

Все что угодно, лишь бы она вышла из машины.

Ее взгляд цепляется за розовый мерседес, припаркованный возле дома.

– Лучший подарок в моей жизни.

– Это хорошая машина.

Жаль, она никогда не будет водить ее.

– Я не об этом. – Ее лицо мрачнеет. – Возможно, дело в траве, но я не помню, когда в последний раз мне было с кем-то так спокойно, что я могла перестать притворяться. – Наклонившись, она целует меня в щеку, замерев в таком положении на лишнюю секунду. – Спасибо, что спас меня.

Искренность в ее голосе ощущается как удар под дых.

Не делай этого, мать твою, говорю я себе, но уже слишком поздно. Я открываю бардачок и протягиваю ей пакет.

– Держи.

Бьянка осторожно разглядывает его, выходя из машины.

– Что это?

– Посмотри.

Я не собирался ничего ей дарить, но купил бумагу для самокруток и название привлекло мое внимание. Когда я понял, что это нечто связанное с психологией, мне стало неинтересно, но мне тут же пришлось в голову, что Бьянке может понравиться, ведь она этим увлекается.

– Слоны на кислоте? – спрашивает она. – Ты купил мне книгу по психологии?

– С наступающим.

Выезжая с парковки, я нажимаю на кнопку на экране.

– Да? – отвечает Джейс.

– Младшая Ковингтон дома в целости и сохранности, – сообщаю ему я.

Облегчение в его голосе практически осязаемо.

– Господи, спасибо. Где она была?

– Отдыхала с Хейли.

– Где? И почему не брала трубку?

– Не знаю, – лгу я. – Знаю только, что они поругались, и Бьянка попросила меня забрать ее.

Джейс вздыхает.

– Лучше бы она позвонила мне, но я рад, что с ней все в порядке. Спасибо. Я твой должник.

– Без проблем, братишка. Хорошей поездки.

Поездки, в которую меня не позвали.

– Спасибо. Я наберу, когда вернемся.

– Супер.

Когда я кладу трубку, на телефон приходит сообщение.

Хейли: *Как насчет встретиться в четверг вечером в Суши-Суши?*

Оукли: *Окей.*

Хейли: *Отлично. Жду с нетерпением, малыш.*

Я тоже.

Чтобы спросить, какого хрена она мне соврала.

Глава тринадцатая

Бьянка

– Ты сегодня какая-то молчаливая, – замечает Стоун, когда мы ложимся в кровать.

Его слова вырывают меня из моих мыслей.

– Прости, я просто...

Не могу выбросить из головы другого мужчину.

– Задумалась, – заканчиваю я.

Стоун приобнимает меня.

– Поделись со мной, Борн.

Я хочу. Но не знаю, как сказать ему о своих чувствах, чтобы он не разозлился.

– Это начинает беспокоить меня.

Пальцы, рисующие узоры на моей руке, замирают.

– Что?

– Что я не помню, кем была, – признаюсь я. – Мне казалось, это к лучшему... но теперь я начинаю в этом сомневаться.

В его глазах вспыхивает раздражение.

– Это все из-за Оукли?

Я должна быть честной с ним.

– Не знаю... возможно. – Я чувствую, как все его тело напрягается, когда я продолжаю: – Я не могу перестать думать о том, почему оказалась с ним в ночь аварии.

И почему меня так тянет к нему.

– Это так важно? – Стоун тяжело вздыхает. – Я не хочу показаться мудаком, но даже если к тебе вернется память, это ничего не изменит.

Я раздумываю об этом с минуту и понимаю, что в чем-то он прав. Не имеет значения, что я вспомню о своем прошлом, ведь это не изменит мое будущее со Стоуном. Но я так устала чувствовать себя компьютером, с которого удалили документы. Устала, что все стараются посадить меня в крошечную «безопасную» коробку и дают мне только осколки информации, которые мне приходится буквально выпрашивать. Устала от того, что не контролирую свою жизнь, потому что я многого не знаю.

Однако не хочется расстраивать Стоуна и заставлять его беспокоиться, поэтому просто говорю:

– Наверное, ты прав. – Я рисую фигуры на его животе. – Ты же расскажешь мне, если узнаешь что-то важное о моей прежней жизни?

Мне нужно знать, что он всегда будет честен со мной. Неважно, насколько эта правда будет неприятной для него.

Стоун прижимается губами к моему виску.

– Ты же знаешь, что я никогда бы не соврал тебе, Борн.

Он прав. Стоун всегда был честен со мной, и у меня нет причин сомневаться в нем.

– Знаю. – Глубоко вздохнув, я решаю рассказать ему еще то, что не дает мне покоя. – Не злись, но Оукли переехал в твой дом. Я встретила его на лестнице, когда он заносил вещи.

Я жду от него какой-то реакции, но он молчит. Подняв глаза, я вижу, что Стоун уснул. Осторожно выключаю свет и сворачиваюсь клубком рядом с ним, изо всех сил пытаюсь игнорировать боль в груди.

Боль от того, что мое сердце хранит какой-то секрет.

Который может все изменить.

Прошлое...

На лицах братьев читается такое же непонимание, как и на моем, когда мы входим в дом.

– Вы, ребята, понимаете, что происходит? – спрашивает Джейс.

Я пожимаю плечами.

– Нет.

– Очень странно, – бормочет Коул.

Это уж точно.

Утром папа прислал нам всем приглашение на семейный ужин. Присутствие обязательно. Учитывая то, что он постоянно работает и практически не общается с нами... это было чертовски неожиданно.

– Надеюсь, он не болен, – шепчу я, ведь, несмотря на то, что мы не очень близки, я не готова потерять еще одного родителя.

– Давайте поскорее с этим покончим, – предлагает Джейс.

Втроем мы идем в сторону кухни. Там за столом сидят папа и Надя. Мы все сразу же напрягаемся. В чем бы ни было дело, одно мы знаем точно.

Все плохо.

Джейс заговаривает первым:

– Какого хрена *она* здесь делает?

Я вижу, что отец хочет накричать на него за то, каким тоном Джейс говорит о его девушке, но сдерживается.

– Садитесь, дети. У нас с Надей для вас важные новости.

К горлу подкатывает тошнота. Джейс и Коул ухмыляются.

– Я постою, – говорит Джейс.

– Я тоже, – присоединяется Коул.

– И я, – добавляю я, чтобы не отставать.

Страшная мысль приходит мне в голову.

– Надеюсь, ты не беременна, – выпаливаю я.

Надя едва не давится своим напитком.

Я знаю об этой женщине немного – да и не хочу, – но даже я могу признать, что она красивая. Я бы сказала, очень красивая. Она, очевидно, из Индии, как и моя мама, и можно с уверенностью сказать, что у папы есть свой типаж.

Или он просто пытается закрыть кем-то дыру, оставленную мамой.

В таком случае я не могу его винить. Однако мне не нравится, что у них могут появиться дети. Я – ребенок в этой семье. И если эта сучка думает, будто может просто так начать рожать новых, пусть лучше поцелует мою подтянутую задницу.

– Надя не беременна, – быстро говорит отец.

Я расслабляюсь... пока он не произносит следующие слова:

– Но мы женимся.

Он целует ее руку.

Я не могу не обратить внимания на огромный уродливый бриллиант на ее пальце. Джейс – у которого всегда есть что сказать – молчит и не шевелится. Но он, очевидно, не рад новостям.

Никто из нас им не рад.

– Когда? – рявкает Коул.

Папа и Надя обмениваются взглядами.

– Мы пока не решили точно, но ориентируемся на следующий год.

Джейс молча выходит из кухни. Мгновение спустя захлопывается входная дверь. Коул усмехается.

– Вау. – Он смотрит на Надю. – Что ж, счастливой тебе жизни в доме мертвой женщины, с мужем, которого ты у нее увела. – Коул злобно смотрит на отца. – Поздравляю, мужик. Не забудь составить брачный договор.

После этого он уходит.

Надя мрачнеет. Папа смотрит на меня, одним взглядом умоляя проявить немного терпимости. Но я не могу. Потому что это больно.

Очень больно.

– Ты *никогда* не сможешь заменить ее, – бросаю я Наде, вкладывая в эти слова всю свою злость.

Несмотря на то, что мама не была идеальной и у нее имелась тайна, которую мне придется хранить, я всегда буду любить ее. Никто на целом свете не способен изменить это.

Слезы застилают глаза, и я выбегаю во двор. Еще минута с ними в одном помещении, и я просто вспыхну.

Господи, я так по ней скучаю.

Я скучаю по ее улыбке, смеху, запаху... по тому, как крепко она меня обнимала, словно я была самым важным человеком в ее жизни. И больше всего я ненавижу тот факт, что все эти воспоминания начинают меркнуть. С каждым днем я помню ее все меньше и меньше. Если я не буду осторожна, однажды я проснусь... забыв ее.

– Ты просто конченная! – кричит Оукли.

Я потерялась в своих мыслях настолько, что даже не заметила его. Но сейчас не тот момент, когда я готова выяснять с ним отношения.

– Слушай, – начинаю я, когда он подходит ко мне. – Я правда не в настроении...

– Мне насрать, – выплевывает он. – Мало того, что ты трахалась с парнем Хейли за ее спиной... ты сняла, как она мастурбирует и выложила это на чертов порносайт! – На его лице отвращение. Оукли делает шаг вперед, не позволяя мне уйти. – Что с тобой, на хрен, не так?

Я моргаю, не понимая, о чем он. Да, я сняла это на видео. Черт, да я много чего сняла. Но я ничего никуда не выкладывала.

По крайней мере, пока.

В жилах стынет кровь, едва я осознаю: Хейли никак не могла узнать о моих планах. Только если она не поговорила с *ним*.

Твою мать.

Это плохо. *Очень плохо.*

Положив руку на живот, я говорю:

– Не знаю, что тебе рассказала Хейли, но...

– Она рассказала мне все, – рычит Оукли.

Почему-то я в этом сомневаюсь... ведь если это так, то Оукли не смотрел бы на меня как на самого отвратительного человека, которого он знает. И точно не стал бы защищать ее.

– Оук...

Я не успеваю закончить предложение, поскольку он делает еще один шаг вперед, заставляя меня потерять равновесие и начать падать... но я успеваю схватиться за его рубашку.

Мгновение спустя мы оба падаем в бассейн.

Оказавшись на поверхности, я выплевываю воду. И едва успеваю прийти в себя, как Оукли оказывается рядом. Его лицо искажает ярость, и он начинает брызгать на меня водой.

– Если ты думаешь, что я стану спокойно стоять и смотреть, как ты разрушаешь жизни всех женщин, которые мне дороги, то ты еще более чокнутая, чем я думал.

Я игнорирую огонек ревности, вспыхивающий в моем теле, потому что мне нужно сказать ему что-то очень важное. Может, я и сняла несколько видео, но я никогда не выкладывала их на порносайты. И я никогда не трахалась с Заком. А значит, эта стерва лжет. И то, что он верит ее вранью... ранит меня.

Намного сильнее, чем я могла бы ожидать.

– Жаль говорить тебе это, Оукли, но твоя драгоценная Хейли...

Прищурившись, он прижимает меня к стенке бассейна.

– Держись от нее подальше.

Его голос пропитан ненавистью настолько, что все у меня внутри переворачивается. Я вызывающе поднимаю подбородок.

– А если нет?

Его длинные пальцы обхватывают мое горло, готовые в любой момент сжаться.

– Ну давай, – подстрекаю я.

Не отпуская мою шею, Оукли приближается ко мне и шепчет на ухо:

– Этого ты хочешь? – Его теплое дыхание и низкий голос провоцируют целый табун мурашек, что безудержно несутся по моей коже. Он проводит рукой вдоль моего тела, кладя мою ногу себе на талию. – Если я сдамся и трахну тебя, ты закончишь с этим дерьмом?

Ответ застревает у меня в горле, когда его губы касаются моих ключиц. Сердце выскакивает из груди, Оукли прикусывает мою шею, посылая волну тепла к местечку между ног. Я цепляюсь за его спину, и он прижимается ко мне. Я чувствую, как он хочет этого.

Хочет меня.

– Да, – выдавливаю из себя я. Разум затуманен. Оук снова толкается ко мне бедрами. – Т...

Меня обрывает жестокий смех.

– Прости, малышка. – Он злобно улыбается. – Этому не бывать. Никогда.

Мгновение спустя он выбирается из бассейна.

Забрав с собой мое сердце и гордость.

* * *

Гордость не позволяет мне признать, что злюсь я исключительно из-за ревности. Тот факт, что он защищает Хейли, даже не дав мне объясниться, заставляет меня дрожать от ярости.

И жажды мести.

К счастью, мне подворачивается идеальная возможность сделать это, когда я вижу, как Оукли уходит вечером из дома на следующий день. Украд запасной ключ из шкафчика на кухне...

Я выхожу во двор и направляюсь к гостевому домику. Взяв с собой жидкость для розжига и спички.

Может быть, Оукли и любит Хейли... но есть кое-что, что он любит даже больше.

Трава.

Я быстро осматриваю гостиную, но там пусто. Оскалившись, я иду в ванную. Огромная кровать не заправлена, на полу валяется одежда, но мое внимание привлекает блокнот на тумбочке.

Блокнот, который он никогда никому не показывает.

У меня отвисает челюсть, когда я заглядываю внутрь.

«Осколки тебя,

Осколки меня.

Какая же мы прекрасная трагедия».

Сердце начинает колотиться как сумасшедшее, когда я переворачиваю страницу.

«Я весь в грязи,

А ты чиста.

*Между нами вновь стена.
Если б только смог бы я
Показать тебе себя,
Ты б увидела меня?»*

Черт возьми. Оукли пишет стихи.

И не просто несколько рифмованных строк. Его слова и правда вызывают чувства.

Мне приходится напомнить себе, что я не только не могу украсть этот блокнот, чтобы прочитать их все, но мне также нужно закончить дело.

Я быстро кладу стихи на место и начинаю оглядывать каждый угол в комнате в поисках тайника. Я нахожу его в шкафу – и твою же мать – тут просто *куча* дерьма. Отнеся, кажется, три фунта марихуаны в ванну, я начинаю поливать ее жидкостью для розжига. А затем поджигаю спичку и бросаю ее туда же.

Получай, ублюдох.

Я расплываюсь в улыбке, когда вижу языки пламени...

Пока не замечаю, что ванна начинает плавиться, а огонь распространяться.

Вот дерьмо.

Меня охватывает паника, ведь комната теперь напоминает ад. Я даже воду не могу включить из-за слишком большого пламени.

Схватив полотенце, я пытаюсь все потушить, но ситуация становится только хуже. Меня начинает тошнить. *О боже.* Ужас охватывает все тело.

– Господи! – кричит кто-то похожий на Оукли, а затем руки хватают меня за талию. – Какого хрена, Бьянка?

– Я не хотела, – я задыхаюсь, пока он вытаскивает меня из дома. – Я просто собиралась сжечь твою траву.

– Это сраное *стекловолокно*, – выплевывает он, прежде чем взять огнетушитель и вернуться в дом.

Твою мать.

Я слышу сирены. Оукли возвращается.

– Все.

– Прости...

– Черт, – кричит Джейс, подбегая к нам. – Что случилось?

За ним несется такой же обеспокоенный Коул.

– Вы в порядке?

– Ага, – отвечает Оукли. – В ванной все плохо, но я потушил огонь, пока он не распространился по всему дому.

– Это хорошо. – Джейс выдыхает. – Но как... – Замолчав, он глубоко вдыхает. – Почему тут пахнет, как на Коачелле?

Коул принюхивается.

– Господи, Оук. Ты пытаешься накурить весь город?

Оукли бросает на меня раздраженный взгляд. Положив руки на бедра, я внимательно на них смотрю.

– Что вы вообще здесь делаете?

– Мы надеялись покурить с Оукли и расслабиться, – усмехается Коул. – Но, очевидно, не выйдет.

Оукли открывает рот, но тут на задний двор залетает бригада пожарных.

Вместе с папой.

– Все живы?

Я моргаю.

– А ты что тут делаешь?

– Я ехал домой, когда меня обогнала пожарная машина, и я получил уведомление от сигнализации. – Глубоко вздохнув, папа морщится. – Это марихуана?

Мы все молчим.

Он проводит ладонью по лицу, пока пожарные забегают в гостевой дом.

– Слушай, Оукли, я тоже был молодым, все понимаю. Но я не могу позволить тебе накуриваться настолько, что ты устраиваешь пожар в моем доме...

– Это был не он, – выпаливаю я. Не только потому, что не хочу, чтобы Оукли отчитывали за мои действия, но и потому, что не желаю, чтобы папа его выгнал. – А я.

Три пары глаз удивленно смотрят на меня.

– В каком смысле ты? – спрашивает отец.

– Ну, – начинаю я, – я нашла траву Оукли и подожгла ее в ванной. – Я поднимаю палец. – В свою защиту хочу сказать – я не знала, что ванна сделана из стекловолокна.

Это оказалось очень неприятным сюрпризом.

Папа смотрит на меня, широко открыв рот.

– Это не круто, – говорит Коул.

Джейс потирает переносицу.

– За каким хреном ты это сделала?

Я пожимаю плечами.

– Потому что он меня выбесил.

Подняв глаза к небу, папа вздыхает.

– Бьянка, дорогая, ты могла поранить себя и остальных.

Хлопая ресницами, я строю самую милую гримасу, на которую только способна.

– Прости меня, папочка. Я больше так не буду.

Очевидно, это работает, потому что он успокаивается и уступает. Я практически чувствую на себе испепеляющий взгляд Оукли. К счастью, меня спасают пожарные.

– Ванной понадобится ремонт, но огонь потушен и все остальное осталось целым.

– Спасибо, – говорит им папа и переводит взгляд на Оукли. – Я уезжаю на неделю по работе, но найму бригаду, чтобы они сделали ванную. – Он достает телефон. – Пока можешь пожить в одной из пустых спален в доме.

Видно, что Оукли хочет поспорить, но он не в том положении.

Оказывается, мой план сработал даже лучше, чем я могла предположить.

Глава четырнадцатая

Бьянка

Я едва могу держать себя в руках, когда вхожу в небольшую кофейню на территории колледжа.

Дилан и Сойер обрывали мне телефон, предлагая встретиться и поговорить, но я не хотела их видеть, поскольку слишком сильно злилась. Я думала, мы друзья. Черт, даже больше, чем друзья. Я считала их своей семьей, и осознание того, что они столько от меня скрывали, очень сильно ранит. Но я все равно хочу послушать, что они мне скажут, ведь я люблю их, и мне не нравится, что мы не общаемся.

Я нахожу их за столиком в углу. Они выглядят такими же расстроенными, как я себя чувствую.

– Привет.

Услышав мой голос, девчонки поднимают глаза.

– Привет. – Сойер двигается, освобождая мне место. – Как ты?

– Нормально, – вру я.

Как только моя задница касается сиденья, Дилан пододвигает ко мне стакан с горячим напитком.

– Мы взяли твой любимый. Мокко с кокосовым молоком.

Я делаю жадный глоток. Может, я и злюсь на них, но не настолько, чтобы отказаться от бесплатного кофе.

Затем Сойер толкает ко мне небольшую тарелку, и я бы соврала, если бы сказала, что эта вкуснятина не заставила мой желудок заурчать.

– И шоколадный круассан.

Откусив его, я едва сдерживаюсь, чтобы не застонать, потому что на вкус он просто невероятный. Тем не менее я здесь по делу.

Я вытираю рот салфеткой.

– А теперь, когда вы меня достаточно задобрили, почему бы вам не рассказать, зачем на самом деле вы хотели встретиться.

Я знаю зачем. Просто хочу услышать это от них.

Сойер мрачнеет.

– Прости, что соврала тебе.

– Пожалуйста, – добавляет Дилан. – Мы правда не хотели тебя обидеть.

Я перевожу взгляд на нее.

– Я правильно понимаю, что твой отец не в тюрьме?

Она выглядит виноватой.

– Нет. – Дилан неловко ерзает на сиденье. – По крайней мере, насколько я знаю.

Мои глаза мечутся между девчонками.

– Я знаю, вы любите моих братьев, но вам не приходило в голову, что это вранье может ранить меня? Особенно когда мы стали так близки.

– Нет, – говорит Сойер.

Когда на моем лице появляется злость, она резко добавляет:

– Не потому, что нам плевать на тебя, наоборот. Мы думали, так будет лучше. Врачи сказали не давить на тебя, и каждый раз, когда ты узнавала что-то новое о своем прошлом, тебе было плохо.

– Было тяжело наблюдать за тем, как ты увядаешь, – объясняет Дилан. – И когда Джейс попросил не рассказывать тебе об аварии, чтобы ты могла начать новую жизнь и прийти в себя... мы не стали возражать. Ты и так была достаточно потеряна.

– Я понимаю, – шепчу я.

Но меня все равно злит, что я осталась в неведении.

Я делаю еще один глоток.

– Но Джейс иногда ошибается.

Дилан смотрит на меня с едва заметной улыбкой на лице.

– Да. Но он любит тебя, Бьянка.

– Так же, как и Коул. – Сойер промокает глаза салфеткой. – Все мы.

В следующее мгновение Сойер уже больше напоминает бормочущую рядом со мной лужицу.

– Прости, что не рассказала тебе об аварии. Я просто не хотела, чтобы тебе было больно.

Сойер всегда была чувствительной, но то, как давит на нее эта ситуация, пробуждает во мне желание обнять ее.

Дилан смотрит на меня грустными глазами.

– Мы пытались защитить тебя. – Она берет Сойер за руку. – Надеемся, ты сможешь простить нас.

Мое сердце начинает ныть. Несмотря на то, что я все еще расстроена, мне понятно, что они хотели только лучшего.

– Я вас прощаю, – говорю я. – Просто не врите мне больше.

Дилан улыбается.

– Договорились.

Сойер высмаркивается. *Громко.*

– Мне так жаль.

Я не могу не засмеяться, заключая ее в объятия.

– Боже, ты такая добрячка.

Она шмыгает носом.

– Мне не нравится мысль о том, что я причинила тебе боль.

Я достаю еще одну салфетку и вытираю потекшую тушь с ее щек.

– Ты не специально.

Делаю еще один глоток кофе, и вдруг вспоминаю о вчерашнем воспоминании. Теперь, когда мы помирились, я надеюсь, они смогут помочь мне.

– Так, – начинаю я после того, как Сойер успокаивается, – я кое-что вспомнила.

Дилан и Сойер переглядываются.

– Что? – спрашивает Дилан.

Я смотрю на круассан на тарелке.

– Кое-что связанное с Оукли.

Очевидно, я сходила по нему с ума, несмотря на то, что он меня отшивал. Тем не менее я не могу понять, как мы оказались в одной машине. Он спасал меня от очередного самоубийства? Мы ехали в магазин? Вместе убежали в закат?

Последнее очень сомнительно, поскольку он ненавидел меня, но все же. Есть масса вариантов, и мне не нравится, что я не знаю, какой из них правда.

– Вы знаете, почему мы оказались вместе в ночь аварии?

Сойер качает головой.

– Нет.

Дилан опускает взгляд в чашку кофе.

– Дилан? – уточняю я. – Что ты знаешь?

Она тяжело вздыхает.

– Я люблю тебя, Бьянка, но я не должна рассказывать тебе об этом.

– О чем?

Она закрывает глаза.

– Слушай, мы тогда не были друзьями, так что ты не рассказывала мне ничего о ваших с Оуком отношениях, да и он тоже практически ничего не говорил. – Откинувшись на спинку стула, она складывает руки. – Но даже если бы это случилось, не я должна тебе это рассказывать, а он.

– Учитывая то, что он отказывается со мной разговаривать, я не могу ничего у него спросить, – замечаю я.

Нахмурившись, Дилан снова смотрит на свою чашку.

– Может быть, оно и к лучшему.

Я совершенно с этим не согласна.

– А, может, ты убедишь его перестать вести себя как упертый баран и, наконец, поговорить со мной?

Она качает головой.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Да она издевается.

Я прищуриваюсь, показывая свое раздражение.

– Давай-ка уточним. Ты не собираешься отвечать на мои вопросы и отказываешься попросить его поговорить со мной? Я думала, мы друзья, Дилан.

– Так и есть. – Она морщит лоб. – И, как твоя подруга, я не хочу тебе врать. Но я не стану отвечать на вопросы о тебе и Оукли. Он мой двоюродный брат, и я люблю его, а еще я люблю тебя и Джейса, что ставит меня в *очень* сложное положение, ведь твой брат его ненавидит, и Оук виноват в этой аварии. – Дилан смотрит на стол. – Мне правда жаль, но я устала от того, что меня разрывают на три части, поэтому я лучше не стану в это ввязываться.

Меня злит, что Дилан не дает мне никаких ответов, но она, очевидно, не изменит свое мнение, поэтому я могу только принять ее решение.

– Ладно. – Я поворачиваюсь к Сойер. – Мы тогда дружили. Что ты знаешь о моих отношениях с Оукли?

Сойер едва не давится кофе.

– Ничего.

Я обессиленно смотрю в потолок.

– Господи, Сойер...

– Я серьезно, – объясняет она. – Ты ничего мне не рассказывала. – Сойер делает еще один глоток. – Поверь мне, я удивилась не меньше тебя, когда узнала о вас двоих.

Я как будто хожу по замкнутому кругу.

– *Что* узнала?

– Я не знаю, – настаивает Сойер. – В смысле... как-то раз я подслушала, как вы ругались из-за того, что ты пробралась к Оукли в постель посреди ночи, а он тебя отшил. Но, кроме этого, ты ничего мне не говорила.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать. Я знала, что старая Бьянка была скрытной, но то, что она не рассказывала Сойер – или *кому-либо* – об Оукли, ставит меня в ужасное положение. Тогда мне в голову приходит идея. Может быть, Сойер и не знает ничего о нас с Оукли, но, возможно, я рассказывала ей что-то о Хейли. Особенно почему я так ненавидела ее.

Сделав большой глоток кофе, я решаю зацепиться за это.

– Забыли про Оукли. Есть еще кое-что, чего я не понимаю.

Дилан замирает с кексом в руке.

– Что?

– У меня есть только кусочки информации, но из них становится ясно, что я не очень любила Хейли и по какой-то причине ее шантажировала.

Их глаза распахиваются от удивления.

Я моргаю.

– Может быть, кто-то из вас знает почему?

Дилан качает головой.

– Понятия не имею. Я не очень хорошо знала Хейли, но она казалась мне милой. Не могу даже представить, чем она тебе не понравилась.

– Кроме того факта, что они общались с Оукли и он все еще был к ней привязан, – бормочет Сойер.

Когда мы с Дилан переводим взгляд на нее, она поднимает руки и произносит:

– Опять-таки я не знаю, какие у тебя были отношения с Оуком, но, учитывая то, как ты злилась на него за отказ и дошла до того, что начала спать с Морган у него за спиной... где гарантии, что ты не могла начать шантажировать его бывшую из ревности?

– Да, ты права. – Сердце неприятно колет. – Я просто надеялась, что на это могли быть другие причины.

Причины, которые позволили бы мне не чувствовать себя настолько больной.

– Прости, Бьянка. Я была бы рада помочь, но о ваших отношениях с Хейли я тоже ничего не знаю. – Сойер выглядит виноватой. – Но я помню, что как-то раз мы были вместе на вечеринке, и, когда туда пришла Хейли, ты была не очень рада ее видеть. А потом вы резко стали друзьями. Когда я спросила тебя, в чем дело, ты сказала, что нужно *держаться друзей близко, а врагов еще ближе*.

Черт. Это очень похоже на меня. Ну... на *нее*.

У меня вырывается стон, и я потираю виски.

– Иногда я правда ненавижу старую Бьянку.

Я разрушила жизнь этой бедной девушки из-за глупой ревности.

И теперь ее больше нет.

Сойер сжимает мою руку.

– Не вини себя.

– Как я могу не винить себя? Я втерлась в доверие Хейли, чтобы собирать на нее компромат.

Оукли был прав, когда накинулся на меня из-за этого. И то, что я не выложила те видео, не имеет значения. Это все равно было очень низко, и я уверена, что в аду для меня приготовлен отдельный котел.

Дилан хмурится.

– Ты уже не та девушка, что раньше, Бьянка. То, что теперь тебе за это стыдно, о многом говорит.

Я хватаю сумку и встаю, потому что через пятнадцать минут у меня следующая пара.

– Возможно, но это не отменяет того факта, что я шантажировала ее из-за какого-то парня.

И я не могу подойти к ней и извиниться за это...

Потому что она мертва.

Прошлое...

– Привет.

Я смотрю на Морган сквозь солнцезащитные очки.

– Привет.

Утром она написала, что у нее есть какие-то *очень важные* новости, которые она должна мне рассказать, так что я сказала ей зайти.

Я показываю на матрас, на котором лежу в бассейне.

– Как видишь, я занята, так что давай быстрее.

Она моргает.

– Серьезно?

Ох.

Я раздраженно вылезая из бассейна.

– Чего ты хочешь, Морган?

Ее огромные зеленые глаза изучают меня с головы до ног и снова возвращаются к моему лицу.

– Кажется, я готова.

Схватив с лежака полотенце, я перевожу на нее внимательный взгляд.

– К чему готова?

Набрав в легкие побольше воздуха, она делает шаг вперед.

– К этому... к нам.

Я ничего не понимаю и поднимаю бровь.

– К нам?

Она прикусывает нижнюю губу.

– Я хочу быть с тобой, Бьянка. И теперь, когда я могу не притворяться, что я с Оуком...

Я останавливаю ее, потому что... какого черта?

– Морган... нет. – Решив проявить честность, я добавляю: – Я люблю другого человека.

И если бы она хоть немного пошевелила извилинами, то без проблем бы поняла, о ком речь.

Она мрачнеет.

– Оу. – Морган переминается с ноги на ногу. – Я не... хотя можно было догадаться.

Чувствую себя такой глупой.

Что ж.

Несмотря на мою репутацию хладнокровной стервы, мне жаль ее. В свою защиту могу сказать: я предупреждала, чтобы она не привязывалась ко мне, но ее это не остановило. А значит, теперь мне нужно разбираться с этим провалом. Ситуация очень неловкая.

– Послушай, Морган, – начинаю я, – дело не в тебе, а во мне.

– Да ладно, Бьянка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.